

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой

 / В.И. Кудашов

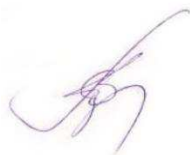
«29» июня 2020 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

47.03.01 Философия

ТЕМА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СНОВИДЕНИЯ И ОКОЛОСМЕРТНОГО
ОПЫТА КАК СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Руководитель темы

подпись

д.ф.н., профессор В.И. Кудашов

Выпускник

подпись

ИИ16-07Б, В.А. Паженцева

Красноярск 2020
Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Гуманитарный институт
Кафедра философии

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ В.И. Кудашов
«__» _____ 2020 г.

ЗАДАНИЕ
НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ
в форме бакалаврской работы

Студенту Паженцевой Вере Алексеевне

Группы ИИ16-07Б

Направления подготовки 47.03.01 «Философия»

Тема выпускной квалификационной работы Философский анализ сновидения и околосмертного опыта как состояний сознания.

Утверждена приказом по университету № _____ от _____ 2020 г.

Руководитель ВКР В.И. Кудашов, д. филос. наук, профессор кафедры философии

Исходные данные для ВКР: работы И.П. Павлова, З. Фрейда, Ю.М. Сердюкова, Л.М. Литвака, Э. Гуссерля, в которых высказывается единая идея о кризисе европейской культуры

Перечень разделов ВКР 1 ИССЛЕДОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ 2 ПРИРОДА ТЕРМИНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ 3 ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ВО ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЯ И ТЕРМИНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ С ОБЪЕКТИВНЫМИ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Руководитель ВКР

_____ В.И. Кудашов

подпись, инициалы и фамилия

Задание принял к исполнению _____

_____ В.А. Паженцева

подпись, инициалы и фамилия

«__» _____ 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ.....	8
1.1 Исследование сновидения в трудах физиологов и нейрочеловеков....	8
1.2 Анализ сновидений в трудах философов..	17
1.3 Сравнение эпистемических установок в подходах к сновидению в естественнонаучных трудах и философских работах.....	27
ГЛАВА 2. ПРИРОДА ТЕРМИНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ..	30
2.1 Определение и основные характеристики околосмертного опыта.	30
2.2 Стадии терминального состояния.	36
2.3 Понимание и роль терминального состояния в современной философии.....	40
ГЛАВА 3. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ СУБЪЕКТИВНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЙ ВО ВРЕМЯ СНОВИДЕНИЯ И ТЕРМИНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ С ОБЪЕКТИВНЫМИ НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ.....	49
3.1 Общая характеристика измененных состояний сознания и корреляция сновидения и онирических переживаний во время клинической смерти.....	49
3.2 Анализ сновидения и терминального состояния сознания с точки зрения феноменологической и натуралистической позиций.	53
3.3 Влияние сновидений и околосмертного опыта на дальнейшую жизнь и мировоззрение человека.	67
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	75
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	79

ВВЕДЕНИЕ

Во все времена людям было интересно, что происходит с ними во время того, как человек находится без сознания или пребывает в глубокой стадии сна, что он может наблюдать во время клинической смерти или в чем заключается смысл тех или иных сновидений.

В данной дипломной работе будут рассмотрены два феномена, с которыми каждый человек встречается в своей жизни: с одним из них – на протяжении всей жизнедеятельности, со вторым – чаще всего только один или два-три раза в жизни. Речь идет о таких видах человеческого состояния сознания, как сновидение и терминальный период.

Под сновидением в широком смысле слова понимают субъективно переживаемые психические явления, периодически возникающие во время естественного сна, который, в свою очередь, представляет собой периодическое физиологическое состояние мозга и организма человека и высших животных, внешне характеризующееся значительной обездвиженностью и отключением от раздражителей внешнего мира.

У людей и животных сон и бодрствование ритмично сменяют друг друга. Немалое количество великих умов, мыслителей, философов и ученых не просто праздно рассуждали на эту тему, но и ставили эксперименты, помогающие понять суть данного феномена. Но как бы много сил ни было потрачено на исследование сновидений, однозначного и абсолютно правильного ответа на вопрос «что же оно собой представляет?» до сих пор нет. В широком смысле слова под сновидениями принято понимать неотъемлемую и ритмически повторяющуюся во время сна психическую активность человека, которая может проявляться в результате отражения системы ментальных, физиологических, психологических и биологических процессов организма.

Второе важное явление, рассматриваемое в этой работе, представляет собой конечную стадию жизнедеятельности организма и соответствующие ей онирические переживания. Речь идет о терминальном состоянии сознания.

Данная стадия характеризуется постепенным отключением всех функций мозга и сопровождающим его последовательным угасанием деятельности всего организма. Терминальный этап оканчивается либо смертью организма, либо полным возвращением к жизни.

Представленные явления внешне очень схожи между собой. В обоих состояниях тело почти или совсем недвижимо, внешние признаки жизнедеятельности практически не проявляются, реакция на внешние раздражители снижается. Сторонний наблюдатель без соответствующих данных и подготовки не всегда сможет отличить одно состояние от другого.

Помимо всего прочего, сон и сновидения являются неотделимой частью терминального состояния. Данное обстоятельство указывает на связь этих феноменов и их закономерную взаимозависимость.

Данная бакалаврская работа поможет нам разобраться в этом вопросе и произвести философский анализ упомянутых выше состояний сознания.

Актуальность работы связана с недостаточной изученностью феноменов сновидения и околосмертного опыта в контексте современной философии сознания. Соотношение субъективных переживаний с нейрофизиологическими процессами является важным аспектом для расширения знаний о сознательной деятельности.

Гипотеза: взаимосвязь субъективных переживаний во время сновидений и околосмертного опыта, а также сближение позиций от первого и третьего лица в исследовании данных явлений поможет выявить важные аспекты данных состояний сознания.

Объект данного исследования представляет собой состояния человеческого сознания: сновидение и умирание.

Предметом исследования можем считать взаимосвязь между субъективными переживаниями во время сновидений и терминальных состояний и объективными нейрофизиологическими процессами.

Проблема, рассматриваемая в представленной работе, заключается в наличии существенных различий между виртуальной реальностью сновидений и «околосмертных» состояний и объективной реальностью жизнедеятельности организма.

Цель исследования: осмысление взаимосвязи субъективных переживаний во время сновидения и умирания с объективной реальностью.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Исследовать естественнонаучные трактовки сновидения.
2. Проанализировать исследования сновидения в работах философов разных эпох.
3. Сравнить эпистемические установки в подходах к сновидению в естественнонаучных трудах и философских работах.
4. Выявить основные характеристики терминального состояния с точки зрения науки.
5. Указать основные признаки стадий терминального состояния на основе субъективного опыта.
6. Проанализировать понимание и роль терминального состояния в современной философии.
7. Изучить общую характеристику измененных состояний сознания и взаимосвязь сновидений и онирических переживаний во время клинической смерти.
8. Проанализировать сновидения и терминальное состояние с точки зрения феноменологической и натуралистической позиций.
9. Рассмотреть различные концепции влияния сновидений и околосмертного опыта на дальнейшую жизнь и мировоззрение человека.

Методология данного исследования включает в себя применение философско-компаративистского, текстологического, исторического и сравнительного методов. А также присутствуют такие методы, как анализ и синтез.

Компаративистский метод в данном случае заключается в сопоставлении двух различных подходов к пониманию сновидения в рамках одной исторической эпохи: в трудах И.П. Павлова и З. Фрейда. Задачей философской компаративистики в данной работе является не только установление сходств и различий научной и философской концепций, но и выявление причин, почему каждая из них обладает значимостью для дальнейшего исследования.

Под текстологическим методом подразумевается совокупность методов по извлечению научной и философской информации для написания данной выпускной квалификационной работы из специализированных текстов: учебных пособий, статей, трудов философов и исследователей, а также монографий и других видов носителей профессиональных знаний.

Использование исторического метода представленной работы обуславливается обращением к установленным историческим фактам и интерпретацией текстов первоисточников. Сравнительный метод заключается в выявлении сходств и различий таких феноменов, как сновидение и терминальное состояние, а так же в соотнесении субъективного опыта во время данных явлений и объективных нейрофизиологических процессов.

Анализ и синтез в структуре методологии данной работы заключаются в разложении рассматриваемых феноменов на составные части и синтетическом объединении их отдельных элементов соответственно.

ГЛАВА 1. ИССЛЕДОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ В НАУКЕ И ФИЛОСОФИИ

1.1 Понимание и объяснение проблемы сна и сновидения в трудах физиологов и нейрочеловеков

Сомнология – область нейронауки, получившая наиболее бурное развитие в конце прошлого и начале нынешнего столетия. Важность наличия данной области исследований заключается в том, что процесс сновидения, являясь одним из тех, что поддерживают стабильное функционирование организма, тем самым предстает как важнейший элемент жизнедеятельности прочих систем организма и определяет высшие функции головного мозга.

Представители русской нейрофизиологической традиции в свое время проводили подробнейшие исследования проблемы сна и сновидения. В данной работе мы рассмотрим основные из них.

Ни один из русских ученых XIX-XX вв. не получил такой известности за рубежом, как академик И.П. Павлов (1849-1936). Он всю свою сознательную жизнь работал в сфере физиологии и нервной регуляции, проведенное им разделение всех рефлексов на условные и безусловные представлено как аксиоматика во всех учебниках биологии. Академик Павлов сделал ряд крупнейших открытий в сфере регуляции пищеварения, а также основал в России физиологическую школу [2, с. 87].

Исследование сновидений Павлова не менее известно, чем остальные его учения. Академик был глубоко заинтересован проблемой сна и полагал, что она является одной из ключевых в изучении высшей нервной деятельности.

Рассмотрим подробное понимание представленной темы русским академиком. Павлов экспериментально доказал, что настоящая причина сна

кроется в специфических процессах нервной системы, базируются которые в человеческом мозге.

Производя свои опыты, а также анализируя и обобщая их, И.П. Павлов последовательно вел свои рассуждения в русле детерминизма - принципа, характерного для материалистической позиции. Детерминизм можно охарактеризовать как закономерную взаимообусловленность явлений. Такой принцип Павлов рассматривал в единстве с такими понятиями, как движение и развитие. Живые организмы вместе с их средой обитания представляются ученому только в качестве изменяющихся объектов, находящихся в бесконечном движении и развитии.

Стоит также заметить, что в своих исследованиях Павлов активно использовал понятие связи. В качестве примеров связи у физиолога служили рефлексy. Предпосылки возникновения рефлексорной теории можно найти у французского философа Рене Декарта. Павлов придавал учению Декарта большое значение для истории физиологии, из-за чего двигался в русле материалистического понимания рефлексов. Последние в представлении академика выступали в качестве форм связи живого организма и среды. Рефлексy, выражающиеся в постоянстве связи влияния внешней среды с ответной реакцией организма на эти раздражения, были названы безусловными. А рефлексy, связь воздействия среды и реакцией организма которых была временной – соответственно были названы условными.

По словам Павлова, вся высшая нервная деятельность человека складывается из разнообразных взаимоотношений таких процессов, как возбуждение и торможение. Данные процессы являются как бы двумя сторонами одного явления, так как функционирование нервной системы невозможно без непрерывного и бесконечного взаимодействия процессов возбуждения и торможения, которые периодически друг друга сменяют [3, с.54] .

Исследования ученого показали, что значение торможения для клеток коры больших полушарий мозга чрезвычайно велико. По их мнению, этот

процесс играет важную охранительную или защитную роль. Это объясняется тем, что торможение возникает при поступлении в кору не только слабых, но монотонно и длительно действующих раздражений, но и необыкновенно сильных раздражителей, даже если они не являются продолжительными.

Торможение во всех этих случаях защищает и оберегает клетки коры головного мозга, а точнее спасает их от истощения или полного разрушения, которое может возникнуть вследствие очень мощного или слабого, но длительно действующего раздражения. В областях распространения тормозного процесса можно наблюдать восстановление энергии и работоспособности нервных клеток. Торможение, которое возникает в каждый из данных моментов в определенных участках мозга, позволяет сосредоточить возбуждение в тех участках серого вещества, которые в этот момент призваны обеспечить оптимальные условия жизнедеятельности организма. К примеру, если человек чем-то сильно занят или заинтересован каким-либо событием или делом (допустим, подготовкой годового отчета), то в это время он не замечает, что происходит в помещении, что говорят находящиеся рядом люди.

И.П. Павлов показал, что очаги возбуждения и торможения, являясь достаточно подвижными, могут создавать в мозгу картину непрерывно меняющейся «мозаики». Эта «мозаика» особенно подвижна в состоянии бодрствования. При продолжительном действии внешних раздражителей «мозаика» становится все менее подвижной и все более однообразной вследствие все более усиливающегося и все глубже распространяющегося торможения. Оно при данных условиях распространяется все больше по коре. Состояние организма в тот момент, когда «волна» торможения захватывает всю кору головного мозга и опускается также на подкорку, и является состоянием глубокого сна.

Однако было бы неправильно думать о том, что торможение охватывает сплошь всю поверхность мозга. Ведь как бы глубоко человек ни находился в состоянии сна, каким бы ни был распространенным было

торможение, остаются «действующими» отдельные очаги возбуждения [2, с.306]. Павлов утверждал, что чем глубже сон, тем менее подвижен человек, но при этом, подвижность у него все же сохраняется: все мы знаем, что во сне человек, не просыпаясь, может совершать различные примитивные движения: менять положение своего тела, раскрываться, когда ему становится жарко, или, наоборот, укрываться одеялом при холоде. Все это он может совершать благодаря тому, что органы чувств продолжают воспринимать хотя и в меньшей степени раздражения, которые поступают к нему из внешнего мира или от внутренних органов. Эти раздражения передаются в заторможенный мозг, где в ответ появляются изолированные очаги возбуждения, отдающие соответствующие команды в другие «центры». Последние в свою очередь приводят в движение соответствующие части тела, действие которых направлено на устранение неприятных раздражений.

Таким образом, согласно трудам российского нейрофизиолога, сон есть не застывшее и обездвиженное состояние тела человека, а целостное торможение физиологического характера, которое затрагивает помимо коры ГМ еще и все его подкорковые отделы. Одновременно с этим сон – это довольно непостоянный процесс, глубина которого может варьироваться. Например, в начале ночи она возрастает, а после этого постепенно, с колебаниями, снижается и достигает своей финальной точки – пробуждения. Однако, в течение всего периода сна на фоне этих колебаний у спящего человека обнаруживаются возбуждения отдельных пунктов в коре головного мозга спящего. И они периодически повторяются.

Это научное объяснение сложного физиологического процесса И.П. Павловым отрицает все существовавшие теории возникновения и природы сна [20, с.89] .

Представленное Павловым понимание природы сна может значительно облегчить переход непосредственно к пониманию сновидений. По мнению

ученого, все, что человек переживает в процессе своей жизнедеятельности, оставляет неизгладимый след в головном мозге.

Акцентируя внимание на этой особенности высшей нервной деятельности, Павлов писал: «Любое воспринятое когда-либо раздражение, любое впечатление фиксируется в матрице мозга соответствующего индивида, как в книге, сохранность которой равна продолжительности жизни. Вначале от этих раздражений и впечатлений мы явственно сохраняем сознательные воспоминания; однако в эту группу воспоминаний попадает не все, что видел, слышал, чувствовал или каким-либо другим образом воспринял отдельный человек. А если было бы иначе, то жизнь, вероятно, стала бы невыносима, а кора головного мозга чрезмерно перегружена. Этим и объясняется, что многое из того, с чем сталкиваешься в жизни, забывается, причем степень внимания у различных людей, естественно, весьма различна»¹.

Помимо таких воспоминаний, Павлов указывает и другой их род – это абсолютные воспоминания головного мозга. Такой тип воспоминаний человек может утратить только при крайних критических обстоятельствах. Все человеческие впечатления по большей части своей скапливаются в глубоких частях коры. Хоть они и перекрываются более свежими впечатлениями, все равно сохраняются и остаются в этом хранилище, из которого время от времени что-то выносится силой сновидений. В связи с этим, с точки зрения Павлова, сновидение представляет собой выражение способности головного мозга вспоминать. Мотивом для этого может стать в равной степени как внешнее, так и внутреннее раздражение.

В данном контексте следует упомянуть, что роль раздражителей в нейрофизиологических процессах чрезвычайно велика. И.П. Павлов заявлял, что время – фундаментальная философская категория – является одним из основных безусловных раздражителей, без постоянного воздействия которых

¹ Анохин П.К. Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа / П.К. Анохин. – М.: издательство Академии Наук СССР, 1949. – С.117

невозможно установление ни одного прочного условного рефлекса.

Это обстоятельство напрямую связано с теорией Павлова о сновидениях: чем дальше во времени находится то или иное событие, тем реже оно возникает во снах, тем менее качественной предстает картинка и тем более фантастичными подробностями она обрастает. Соответственно, неотдаленные во времени факты и происшествия проявляются в сновидениях с большей частотой и детальностью. А также, чем больше эмоций и ответных реакций у человека вызвало определенное событие в бодрствующем состоянии, тем ярче оно будет представлено во сне. Этим объясняется приход в ночных видениях недавно умерших родственников и оставивших неизгладимый след событий из жизни.

Теперь обратимся как раз к той части исследования, в которой раскрывается суть фантастических образов, возникающих во снах. Данный феномен находит отражение в учении Павлова касательно двух сигнальных систем. Стандартный набор раздражителей, поступающих из внешнего мира (звуковые, световые, обонятельные и т.п.) одновременно с процессом образования условных рефлексов преобразуются в сигналы безусловных раздражителей, а также при случае в состоянии вообще их заменить.

Комплекс таких сигналов совместно с теми условными рефлексами, которые ими вызываются, и есть первая сигнальная система, которая лежит в основе животной психической деятельности. Также первой сигнальной системой руководствуется психика младенцев и маленьких детей, еще не научившихся говорить. Преобладание такой системы сигналов можно было пронаблюдать у представителей первобытно-общинного строя. Дело в том, что связанные с мышлением внутренняя и звуковая речь у первобытных людей были недостаточно развиты. Отсутствие речи означает отсутствие любых понятий, а, следовательно, о всяком логическом мышлении, т.е. оперировании понятиями, не может идти и речи. Мыслить людям на данных ступенях развития приходилось исключительно посредством конкретных образов и соответствующих им ассоциаций. А также мозг таких людей мог

обрабатывать поступающую информацию, находя сходства и противоположности определенных явлений.

Вторая сигнальная система начинает появляться у человека благодаря развитию речи и речевого аппарата. Единица речи, под которой сейчас мы понимаем слово, начинает обрастать звуковой характеристикой первой сигнальной системы. Павлов считает, что в данный период времени образ мышления постепенно начинает обретать логическую форму. Данные процессы привели к следующей закономерности: по мере развития и эволюции второй сигнальной системы, т.е. системы словесных сигналов, все менее активной становилось влияние первой сигнальной системы, которая не просто тормозилась, но и отходила на задний план.

Теперь логично разобраться с тем, какие процессы сопровождают человека и его нервную систему во время сна. Поскольку вторая сигнальная система есть более поздняя из двух существующих, постольку она является менее устойчивой, а значит, с наступлением сна именно вторая сигнальная система начинает свое торможение в первую очередь. В связи с этим первая сигнальная система освобождается от давления и прессы второй, тем самым выходит из-под ее влияния. Данный процесс приводит к тому, что образное мышление, характеризующееся невероятной красочностью и причудливостью, снова приобретает самостоятельное значение. Все приснившиеся события, включая невероятные и максимально фантастичные эпизоды (встреча с которыми в реальной жизни человеку, скорее всего, не суждена) воспринимаются сновидцем как должное и как самая что ни на есть правдивая реальность. И только после пробуждения мы в состоянии понять, что это был сон, и удивиться тому легковерию, с которым мы погружались в нереальные сюжеты сна.

Стоит отметить, что пока непонятно, каким именно образом мозг человека, наблюдая во сне метаморфозные вариации обыденных событий, принимает их как должную реальность. Проблема в том, что обычно события сна, берущие за основу сюжета те явления и процессы, которые происходят с

нами в бодрствующем состоянии, предстают перед нами в искаженном, и иногда даже измененном до неузнаваемости, виде.

Решение данной проблемы кроется в открытых коллегами Павлова «гипнотических фазах». Проявление этих фаз ученые обнаружили у подопытных людей в момент засыпания (перехода от бодрствования ко сну) и пробуждения (перехода ото сна к бодрствующему состоянию). Из этих фаз как особая физиологами выделяется «парадоксальная». Особенность этой фазы заключается в том, что момент, в который она активна, слабые внешние и внутренние раздражители воздействуют на мозг и психику с большей силой, чем сильные раздражители.

Вследствие этого, те отпечатки, которые остаются в коре головного мозга из-за влияния слабых жизненных переживаний и впечатлений, при протекании парадоксальной фазы предстают как будто бы преувеличенным и модифицированным виде. И, наоборот, следы от впечатлений сильного и насыщенного характера – в преуменьшенном виде. Примерами тому могут служить кажущиеся оглушительными, но на самом деле очень тихие и слабые звуки во сне. Мелкие и обыденные предметы в такой ситуации видятся спящему огромными и нестандартными по своей форме. И в то же время, действительно крупные объекты кажутся ему маленькими и незаметными.

Действительно, каждый человек хоть раз в жизни просыпался с мыслью: «Что мне такое приснилось?», «Для чего все это было?». Причудливость и неординарность сновидений может превосходить все ожидания.

Данную особенность сновидений в свое время прокомментировал коллега И.П. Павлова И.М. Сеченов: «Сновидения — это часто небывалая комбинация бывалых впечатлений»². Сам Павлов в этой связи писал,

² Майоров Ф.П. Физиологическая теория сновидений. / Ф.П. Майоров. М: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С.53.

сновидения по своей сути есть лишь закономерная последовательность разных вариантов следовых раздражений.

Одна из основных идей учения академика Павлова заключается в том, что, какими бы таинственными и невероятными нам не казались наши сновидения, в них абсолютно всегда содержатся только те процессы, события и сюжеты, которые уже находили свое отражение в нашей обычной (бодрствующей) жизни. И это не зависит от того, были ли они восприняты на сознательном уровне или же бессознательно. Таким образом, сновидения можно охарактеризовать как перепутанные между собой обрывки прошлого. Частично бодрствующий и частично спящий мозг перерабатывает следы того, что мы уже когда-то наблюдали, слышали, о чем читали или думали, и выпускает их в нашу субъективную реальность сна.

Таким образом, на основании вышесказанного, мы можем отнести учение Павлова о сновидениях к элементаризму, такому направлению исследования психики человека, в котором предполагается, что природа человека и его поведение, должны исследоваться посредством изучения каждого отдельного элемента этих явлений, и только в таком случае можно будет добиться достаточного объяснения [20, с. 43]. При подробном рассмотрении представленного понимания проблемы русским физиологом, выдвигается на первый план тот факт, что всемирно известный исследователь на корню обрывает всякие мифические и мистические догадки насчет сновидений. Ученый старается донести до своей аудитории максимально достоверную информацию о сновидениях, полученную им в ходе эмпирических испытаний, а также теоретических расчетов. Редуцируя наличие сновидений к вполне объяснимым феноменам, т.е. различным уровням памяти и жизненному опыту, выводящему в субъективную реальность различные модификации пережитых событий, И.П. Павлов дает этому феномену вполне обоснованное научное толкование.

1.2 Анализ сновидений в трудах философов

Интерес философии к проблеме сновидения имеет практически фундаментальное значение. Фридрих Ницше говорил, что на ранних этапах развития культуры бытовало мнение о том, что сон есть созданный самим человеком параллельный мир: если бы люди не видели снов, то у них бы никогда и не возникло мысли о существовании других миров. В то время многие люди считали, что в процессе сна человеческая душа покидает свою оболочку и может свободно передвигаться по миру. Именно на этом основании появлялись примитивные теории о душе, как о призраке, верования в богов и приведений.

Одним из первых мыслителей, занимавшихся изучением сна и толкованием сновидений, был Артемидор Далдианский. Его труд «Онейрокритика» представляет собой последовательное разделение снов на два вида: простые и вещие. Под простыми сновидениями Артемидор подразумевал сны, указывающие на события из настоящего, а под вещими – на предстоящее зло или добро. Кроме этого, А. Далдианский объясняет, почему не каждый человек может во сне увидеть что-то великое или не относящееся к его привычной жизни или деятельности: «То, о чем не заботишься, не увидишь и во сне. Человеку ничтожному не дано во сне созерцать великие дела, смысл которых он не сможет даже понять»³.

Другим известным философом античности, размышлявшим о природе сновидений, является Платон. В одном из своих диалогов, носящем название «Тимей», философ дает собственное определение понятию сна: «это показатель уровня нравственности человека, независящий от представлений человека о самом себе»⁴.

³ Артемидор. Онейрокритика / Артемидор. СПб.: Кристалл, 1999.– С. 35

⁴ Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Платон. М.: Мысль, 1999. – С. 31

Помимо ученых древности проблемой сновидений занимались мыслители и более поздних времен. Значительный вклад в изучение философии и психологии сновидений внесли такие представители психоанализа, как З. Фрейд, Ж. Лакан, М. Кляйн, Б. Левин, К. Юнг и др.

Вторая половина XIX века – время, когда психология отделилась от философии и начала становиться, как научная дисциплина. В связи с этим, вся научная интеллигенция того времени была просто ошеломлена появлением кардинально иного подхода к изучению человека и его жизнедеятельности, разработанного, тогда еще молодым венским ученым, Зигмундом Фрейдом практически без посторонней помощи [18, с. 63].

Вместо того, чтобы ставить в центр психической жизни человека сознание, Фрейд сравнивает ее с «айсбергом, ничтожно малая часть которого выступает над поверхностью воды». Он выдвинул теорию, противоречащую многим другим концепциям, о том, что все люди находятся в состоянии непрерывного внутреннего конфликта, истоки которого лежат в некоей другой сфере психической жизни – «в неосознаваемых сексуальных и агрессивных побуждениях».

В противовес Павлову, Зигмунд Фрейд был сторонником холистического представления о природе человека. Он придерживался мнения, что только на основе изучения человеческого организма как единого целого возможно истинное понимание его личности и самого человека. Основная часть его рассуждений строилась на описании индивида с помощью соотношения ид (от лат. «идео», означает исключительно примитивные, инстинктивные, и врожденные аспекты личности), эго (от лат. «ego» - «я», ответственность за принятие рационального решения) и суперэго (от лат. «super» - «сверх» и «ego» - «я», морально-этическая характеристика личности). Фрейд писал, что поведение человека невозможно объективно оценить в отрыве от динамического взаимодействия трех этих неотъемлемых структур психической жизни [18, с. 112].

То же касается и исследования феномена сновидения. Фрейд рассматривал сновидения в качестве прямого пути к бессознательному. Объяснял он это тем, что их содержание раскрывает вытесненные желания.

Проведя бесчисленное количество клинических наблюдений, заключающихся в анализе сновидений пациента, терапевт убедился в том, что различные вариации снов есть всего лишь удовлетворение глубинных желаний в символической форме. А также, по мнению Фрейда, содержание сновидений может частично отражать переживания человека, волновавшие его в годы детства и юности.

Холистические проявления в этом отношении заключаются в убежденности многих психоаналитиков, в частности и самого Фрейда, в том, что только следует обязательно придерживаться тщательной интерпретации сюжетов сновидений. Также крайне необходимо анализировать символику сна, скрытую от невооруженного взгляда, которая в конечном итоге и представляет наблюдателю совокупный и целостный образ сновидения. Данное холистическое рассмотрение должно способствовать полноценному пониманию субъективного опыта сновидцу, причины его возникновения и внутренние конфликты, рождающиеся на этой почве.

Фрейд в своем «Толковании сновидений» обращается ко многим философам и мыслителям не только современных ему, но и к авторам античности. Он говорит, что первые намеки понимания сновидений лежат в рассуждениях народов классической древности. По их мнению, сновидения напрямую связаны с миром сверхъестественных существ, в которых они верили, и приносят вселенские тайны и откровения от демонов богов. Но, помимо античных авторов, психотерапевт в своем произведении упоминает толкования феномена сновидения, относящиеся к более поздним авторам, например, по мнению Фрейда, наиболее определенно высказывается по этому поводу философ И.Г.Е. Маасе: «Опыт подтверждает наше утверждение, что мы чаще всего видим в сновидении то, на что направлены наши самые горячие и страстные желания. Из этого видно, что наши

страстные желания должны оказывать влияние на появление наших сновидений»⁵. Фрейд настаивает на том, что расстройства сна, или, говоря обыденным языком, источники сновидения, могут быть чрезвычайно разнообразны и что физиологическое раздражение, не уступая в этом душевным волнением, может стать амортизатором в возникновении сновидений.

Основатель психоанализа выводит синтетическое определение сновидения, на основе мнений других философов и собственных рассуждений: «Сновидение есть конечный результат борьбы и соединения двух противоречий, которые исходят от сознания и бессознательного. Бессознательное руководствуется «принципом удовольствия», при этом вырабатывая фантастические образы, способствующие удовлетворению различных скрытых, и не только, желаний. Сознание, в свою очередь, действует по «принципу реальности», добиваясь соответствия продуктов психической деятельности с правилами логики» [18, с. 151].

Конфликт двух этих элементов психики может отражаться на характере сновидений, придавая им в той или иной степени реалистический характер. Во сне многие картины могут представляться нам в искаженном и сильно преувеличенном виде. Также во время сна из памяти всплывают эпизоды, относящиеся к отдаленным по времени моментам жизни, возможно, даже такие, каких человек вовсе и не помнит. Помимо всего этого сон может поражать нас буйством красок и фантазии, образами, которые могли и не встречаться человеку в его жизненном опыте.

Для более подробного анализа уместно привести еще одно замечание Фрейда по этому поводу: «Сновидение представляет собой компромисс между потребностью во сне и стремящимися нарушить его бессознательными желаниями» [18, с. 168]. Также Фрейд называет сновидения галлюцинаторным исполнением желаний, функцией которого

⁵ Фрейд З. Толкование сновидений / Зигмунд Фрейд; пер. с нем .Я. Когана.- СПб : Азбука, Азбука – Аттикус, 2016.– С. 19

является защита сна, а биологическим смыслом – отдых (уставший за день человеческий организм восполняет свою энергию и отдыхает только во время сна). Но, по словам Фрейда, существует еще и некий философский смысл сна: он заключается в потере заинтересованности во внешнем мире. Объясняется это тем, что сон отодвигает внешнюю реальность на второй план. Человек перестает в нем функционировать, а значит, и вообще воспринимать его. Фрейд пишет: «Он на время возвращается во внутриутробное состояние, в котором ему «темно, тепло и ничто не раздражает» [18, с. 119].

Иными словами, из этой концепции напрашивается вывод, что сновидение есть реакция спящего на внешние раздражители, влияющие на человеческую душу. Однако раздражители такого типа воздействия не могут служить достаточным объяснением происходящего в сновидении, поэтому Фрейд выдвигает следующее фундаментальное положение: сознательное сновидение – это «искаженный заместитель чего-то другого, бессознательного». Но не только внешние раздражители могут влиять на душу человека, но и психические раздражители, природа которых изначально бессознательна. Их воздействие и является причиной возникновения сновидений [40, с. 43].

Рассмотрим подробнее бессознательные психические раздражители. Их так же часто называют скрытым сновидением. Согласно исследованиям Фрейда, они делятся на две группы.

Первая часть скрытого сновидения – это полученные человеком за день впечатления, обрывки, происходящих с ним событий. Вторая же часть находится в сфере, где обитают бессознательные и не поддающиеся контролю желания. Днем такие желания не допускаются в сознание человека и вытесняются оттуда такой формой как Сверх-я. Ночью, когда человек практически обездвижен, и практически ничего не может его контролировать, вытесняемые желания выпускаются в сон силой бессознательного.

Бессознательные или вытесненные желания, по Фрейду, — это желания, неприемлемые «в этическом, эстетическом, социальном отношении». Эти желания эгоистичны, и делятся они на две подгруппы:

- 1) сексуальные желания;
- 2) ненависть [40, с.115].

Бессознательные желания, представ в образе дневных впечатлений и используя их как «материал», появляются в сновидении. По сути дела, мы в своих сновидениях видим не сами наши желания, а их галлюцинаторное исполнение. Фрейд по этому поводу выражается так: «Функция сновидений — оберегать сон. Именно этим объясняется преобразование раздражителей. Так бессознательное психическое раздражение — желание, прорвавшееся в сновидение, — должно было бы разбудить человека — ведь для того, чтобы осуществить это желание, человек должен был бы проснуться и действовать. Но сновидение, представляя желание осуществившимся, позволяет продолжать спать. Таким образом, сновидение — это галлюцинаторное исполнение желаний, функция которого — оберегать сон» [18, с. 287].

У маленьких детей (но иногда и у взрослых) сновидение предстает в простейшей форме. Это исполнение элементарных, ничем не замаскированных желаний. К примеру, когда спящий страдает от жажды, ему снится, как он пьет воду.

Но заметим, что обычно скрытые сновидения предварительно проходят особую обработку перед тем, как появиться в сознании спящего. Данной обработке дано название «Работа сновидения», которая состоит из нескольких компонентов:

Во-первых, это конденсация. В этом случается сновидение сжимается. Это проявляется в следующем: один герой из сна может представлять сразу несколько персонажей из реальной жизни. Фрейд объясняет это тем, что мысли и воображение спящего гораздо богаче самого сновидения.

Во-вторых, перемещение. Важные мысли во снах могут переходить в статус незначительных, и наоборот (второе реже).

В-третьих, деформация. Фрейд подчеркивает, что во сне наши дневные мысли деформируются и отличаются от исходного состояния.

Следующим компонентом в работе сновидений является построение. Сновидению не известны принципы состояния бодрствования, поэтому содержание сновидения должно пройти соответствующее преобразование. Во сне теряются связи, существующие между элементами состояния бодрствования. В связи с этим, мысли становятся образами, а, следовательно, абстрактные элементы становятся конкретными.

Из этого вытекает следующий, пятый, компонент работы сновидения – символика. По мнению Зигмунда Фрейда, в сновидении присутствуют символы, превращающие скрытые смыслы в конкретные и понятные образы.

Последним компонентом является вторичная переработка. Сновидение – продукт бессознательной деятельности, поэтому оно становится близко к умственной деятельности человека в состоянии бодрствования в тот момент, когда пытается с помощью вторичной переработки передать некое подобие логики [40, с. 203].

Все перечисленные компоненты работы сновидения имеют своей целью придание снам видимости бессвязности и непонятности. Главная их задача – спрятать истинный смысл в скрытом содержании.

Заканчивая описание исследования Зигмунда Фрейда, хочется сказать, что для него сновидения трактуются как форма ежесуточной психотерапии. При помощи сновидений человек уходит от переживаемых конфликтов и трудных жизненных ситуаций, погружаясь в мир фантастики и исполнения скрытых желаний. Сон в какой-то степени напоминает регрессию – свободное течение ассоциаций, то есть переход от последнего случайного впечатления к ранним и стержневым психическим комплексам.

Работа сна представляет собой процесс, разделенный на два этапа: с одной стороны – снятие сопротивления, с другой – выработка фантазий насчет вытесненного желания. Мысли, по словам психотерапевта, во снах преобразуются в образы, а реальные отношения выступают в виде

символических. Что касается истолкования сна, то здесь Фрейд пишет о том, что оно состоит в расшифровке показанных нам во сне символов на основе того «языка», который выработался у конкретного человека. Фрейд настороженно и даже отрицательно относился ко всякого рода «сонникам», якобы раскрывающим уникальную символику сновидений. Он по этому поводу размышлял следующим образом: человек индивидуален в своих мыслях и психологии, следовательно, не может быть никаких стандартов истолкования их сновидений [40, с.149].

Другой философ, соратник Фрейда и основатель аналитической психологии Карл Густав Юнг, также преуспел в исследовании сновидений.

Центральной концепцией учения Юнга является теория архетипов, которые представляют собой модели, управляющие бессознательными процессами в организме человека. Юнг понимал архетипы как глубинные слои бессознательного, воспринимающие не только личный опыт определенного человека, но и информацию предшествующих поколений и эпох (так называемые общечеловеческие образы).

Так как архетипы есть сложно осознаваемые структуры, следовательно, сознание не в состоянии принять их в буквальном смысле. Поэтому они имеют возможность воплощаться в различных образах сновидений.

По мнению Юнга, сны – это не бессмысленный набор изображений и звуков. Их существование обосновано выполнением важных жизненных функций:

1. снятие эмоционального напряжения;
2. позволение человеку пережить в сновидении те чувства и эмоции, которые в реальной жизни он по какой-либо причине в себе блокирует;
3. развитие психических функций, расширение спектра возможностей сознания и осознания.

Во время сна человек, согласно юнгианской концепции, получает информацию при помощи символов, т.е. знаковых образов с определенным

посылом или «зарядом». Каждый символ обладает многослойностью значений, а значит, и толковать его можно на разных уровнях. При этом во сне можно проследить, как проявляются главные элементы коллективного бессознательного – те самые архетипы. Они таковы:

1. Эго – образ «Я» во сне. Эго-персонаж ведет себя во сне примерно так же, как и сновидец действует в реальности.

2. Персона (маска) – образ человека, каким он представляет себя в социуме. Данный персонаж проявляет себя во сне через одежду, косметику, имидж и т.п.

3. Тень – вытесненные черты личности, которые является для сновидца нежелательными или, наоборот, недостающими. Тень-персонаж во сне может проявляться через предметы темного оттенка, героев в черных одеяниях.

4. Анима и Анимус – воплощение женских и мужских переживаний личности, выражающее их внутренне противостояние в человеке: восприятие мужчиной женского начала и женщиной – мужского. Во сне, по мнению Юнга, их проявление может быть отражением отношений с противоположным полом из реальности.

5. Самость – самый насыщенный и многоплановый архетип. Он является выражением духовной традиции, в которой рос и воспитывался человек. Проявление этого архетипа во сне осуществляется за счет атрибутики и соответствующей символики. Круглые и четверичные очертания являются характерными именно для таких образов.

В противовес своему учителю Фрейд Юнг не считал, что во сне проявляются вытесненные и неосуществленные желания. Данную позицию он считал слишком простой. Для Юнга сон – манифестация бессознательного, его чистый язык. Для правильного толкования сна его конкретные образы следует дополнять не только всевозможными аналогиями из жизни самого сновидца, но и опираться на культурную и духовную среду,

в которой он проживает. Простыми словами, к индивидуальному прочтению сна Юнг предлагал добавить компонент коллективной интерпретации.

В данном случае концепция Юнга опирается на мифологию, основной которой выступают символы. Философ выделял сны, в которых проявлялся архетип Самости, в ранг наиболее важных. Он называл их «большими снами». Сны этого типа достаточно часто связываются с чувствами максимального ужаса или восторга.

Существует два предложенных Юнгом подхода к анализу сновидений:

- 1) Объективный (соотношение образов из сна с реалиями из жизни);
- 2) Субъективный (представление о том, что каждый образ есть часть самого сновидца). [45, с. 178].

Не каждый человек может с легкостью принять свои негативные импульсы, вследствие чего субъективный подход представляет трудность на начальных этапах анализа сновидения. К примеру, Юнг заявляет, что при таком подходе человек, видящий во сне себя в качестве убийцы, на самом деле имеет некие деструктивные импульсы.

Промежуточный вывод об исследовании сновидения в трудах философов можно выразить следующим образом: философское обоснование данного феномена базируется не только на бессознательных структурах человеческой психики, но и на зависимости характера сновидений от места и роли человека в обществе, тех или иных задач, которые он выполняет в обыденной жизни. Несмотря на то, что сюжет сновидений зависит от внутреннего состояния человека, его потенциалов и желаний, последние в любом случае вызываются наличием внешних раздражителей и взаимодействия субъекта с миром.

1.3 Сравнение эпистемических установок в подходах к сновидению в естественнонаучных трудах и философских работах

Рассматривая подходы ученых и философов к пониманию сновидения, необходимо выявить различия их эпистемических установок и провести сравнительный анализ этих концепций. Так как наибольшее значение имеют исследования Павлова и Фрейда, то именно эти концепции мы и будем сравнивать.

Хоть эти ученые и имели крайне отличающиеся друг от друга подходы к пониманию проблемы сновидений, общего у них было предостаточно. Во-первых, оба профессора жили и творили в одну эпоху, являясь практически ровесниками. А во-вторых, они оба производили свою научную деятельность в одной области естествознания. Но как бы ни были близки рассматриваемые ими проблемы, толкования сновидений у каждого было по-своему уникально.

И.В. Павлов объясняет возникновение сновидений частичным торможением деятельности преимущественно первой сигнальной системы. По его мнению, сновидения предстают перед нами как беспорядочно возникающий поток несвязанных между собой образов, впечатков прошлых ощущений и восприятий.

Зигмунд Фрейд считает иначе, выделяя сновидения как символы инстинктивных и, по большей части, сексуальных страстей и стремлений. Такие влечения являются, по мнению Фрейда, запретными для самого человека, потому что он старается скрыть их от посторонних взглядов, считая их неприемлемыми и неприличными для общества. И в сновидениях, согласно учению З. Фрейда, присутствует некая «цензура», которая и не дает желаниям и страстям открыться в полную силу. Если желание не является законным или правомерным в обществе, то и во сне оно будет проявляться не напрямую, а в косвенных и завуалированных образах. Психоаналитик

основывался на воззрении, что человек абсолютно всю свою сознательную жизнь вынужден находиться в конфронтации с социумом. А поскольку общество постоянно и неуклонно загоняет его в определенные рамки, постольку он не в состоянии реализовывать свои личные потенции, желания и влечения. Фрейд придерживался мнения, что всякое становление психики обуславливается необходимым приспособлением к окружающей среде, которая, в свою очередь, является враждебным элементом по отношению к человеческому субъекту. В связи с этим, сновидение является символом, сгустком, насыщенным образом желаний человека, но оно практически никогда не представляет собой их отражение в буквальном смысле этого слова.

В этом и принципиальное различие работ И.П.Павлова и З. Фрейда: они по-разному понимали саму природу сна. И в концепции Павлова, и в подходе Фрейда сновидение предстает как нечто хаотичное и выходящее из-под контроля. Но Павлов понимал суть этой проблемы как явление, связанное непосредственно с некими пережитыми человеком моментами из прошлого и личного опыта. Фрейд же, наоборот, считал, что сновидения зависят лишь от его интенций и не всегда опираются на пережитый опыт.

Тем не менее, представленные концепции пересекаются в одном важном аспекте: в каждой из теорий почва для субъективной реальности во время сна выступает в качестве бессознательных структур. Нейрофизиология базирует свои рассуждения на том, что все герои и персонажи наших снов когда-либо уже встречались нам и всплывают на поверхность сновидений из глубинных уровней бессознательного, т.е. неконтролируемого нами эффекта. Аналогичной точки зрения, как мы уже заметили, придерживалась психоаналитическая теория Фрейда: выпущенные в сон неконтролируемые желания изначально хранятся на бессознательном уровне.

Помимо прочего, еще одним важным аспектом, находящим место и в теории Павлова, и в трудах Фрейда, является то, что сновидения у обоих авторов выполняют рекреационную функцию в организме. Не только тело

человека во сне восстанавливает свои силы, но и его мозг регенерирует свои поврежденные структуры, а также воссоздает импровизированные ситуации, способные снять накопленное за день эмоциональное напряжение посредством трансляции сновидения в сознание спящего.

Функция по обеспечению защиты и охраны сна, с целью дать мозгу время на восстановление – основная и важнейшая из всех функций субъективных переживаний во время сновидения.

Подытоживая анализ различных подходов к пониманию субъективного опыта во время сна с точек зрения философии и объективных данных нейронаук, можно заключить, что, несмотря на разницу эпистемических установок данных концепций, они имеют ряд общих оснований и признаков. Во взаимосвязи философских и научных теорий наблюдается очевидный вектор на сближение и тенденция на объединение и взаимное дополнение с целью поиска истинного знания о сновидениях и сопутствующих элементах данного явления.

ГЛАВА 2. Природа терминального состояния

2.1 Определение и основные характеристики околосмертного опыта

Терминальное состояние - это последняя стадия жизни организма, переходный этап к смерти, в момент которого становится невозможным самостоятельное коррекционное восстановление глубоких метаболических нарушений и наиболее важных жизненных функций. Различные субъективные переживания человека, возникающие в ходе угрожающих жизни событий, после которых человек все-таки остается живым, принято называть обобщенным понятием NDE (англ. near - death experience), или околосмертные переживания.

Стоит отметить, что все полученные на данный момент сведения о тех ощущениях, спектр которых достаточно широк и которые испытывают больные, пережившие клиническую смерть, по большей своей части основаны на субъективных данных.

Качественный переход от жизни к смерти представляется последовательным закономерным нарушением функций организма. Заканчивается этот процесс как бы «выключением» организма. Данное обстоятельство играет наиважнейшую роль в реанимации пациента: постепенное и последовательное отключение всех функций предоставляет врачам время и возможность для спасительного вмешательства с целью восстановления жизни.

Как отмечает доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и права ДГУПС, Сердюков Ю.М., «околосмертный опыт, без всякого сомнения, существует»⁶. Как считает философ,

⁶ Сердюков, Ю.М. Контуры трансцендентального опыта / Ю.М. Сердюков. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.– С. 170

возникновение такого опыта есть результат определенного ряда процессов: прекращение работы сердца и дыхательной системы, приводящей к кислородному голоданию мозга. В этой ситуации наблюдается кардинальные преобразования тормозного характера всех функций ГМ. Также могут быть повреждены и значительно более древние образования нервной системы. В свою очередь, необратимые некротические преобразования или вовсе отсутствуют, или имеют локальный характер. В организме, подверженном клинической смерти, полностью отсутствует дыхание, любые реакции на внешние раздражители, кровообращение, клеточный обмен веществ не прекращается: его работа продолжает работать анаэробным путем, то есть без поступления кислорода в организм. С течением времени запасы энергетиков в мозге истощаются, сложный процесс распада глюкозы в организме из-за недостатка кислорода прекращается, и нервная ткань умирает. [31, с. 173].

Один из факторов возникновения околосмертного опыта был обоснован сравнительно недавно. Данный фактор заключается в критическом уровне концентрации растворенного углекислого газа в крови. Этот вопрос заинтересовал Залику Клеменц-Кетич, доктора из университета Марибор в Словении. Суть ее эксперимента заключалась в доказательстве тезиса о том, что природа околосмертных переживаний никак не связана с «загробным миром» - в этом процессе участвуют лишь химия, физика и физиология. «Вряд ли обнаруженная нами причина единственная, - комментирует свое открытие Залика. – Но она хорошо объясняет физиологический механизм околосмертного опыта».

В поставленном эксперименте Клеменц-Кетич и ее коллеги наблюдали за состоянием пациентов, которые страдали острой сердечной недостаточностью. 52 человека из их числа умерли, но сумели «воскреснуть». В тот момент, пока пациенты добивались до того света, проводили там какое-то время и возвращались обратно, исследователи брали у них кровь и проводили соответствующие анализы.

11 человек из всех вернувшихся к жизни рассказали о пережитых NDE: большинство говорили о тоннеле со светом в конце, некоторые заявляли о том, что видели ангелов и прочие чудеса. После этого исследовательница проанализировала результаты крови всех «воскреснувших», предварительно разделив их на две группы: видевших и не видевших некий «загробный» мир.

Результаты подтвердили догадки Залики Клеменц-Кетич: в кровяном составе пациентов, переживших NDE, концентрация растворенного углекислого газа была в разы выше, чем у второй группы исследуемых. Из этого ученые сделали вывод, что, если видения на пороге смерти представляют собой простые галлюцинации, то причиной их возникновения является всего лишь газированная вода.

Опираясь на представленное исследование, можно понять, почему люди могут испытывать ощущения, похожие на переживание околосмертных видений, в иных обстоятельствах, нежели на смертном одре. Так, некоторых альпинистов, находящихся на большой высоте, или, наоборот, дайверов, ныряющих на большую глубину без использования акваланга, могут посещать такие ощущения, вплоть до различных видений. Очевидно, что это происходит из-за проблем в их крови с углекислотой. [14, с. 115].

Ю.М. Сердюков в своей статье «Альтернатива кибернетическому бессмертию» пишет: «Предсмертные переживания могут проявляться у людей из самых разных возрастных категорий, различных этносов и культур. Все это доказывает его родовую принадлежность человеку. Практика показывает, что чаще всего NDE испытывают представительницы слабого пола, люди в возрасте и больные, которым приходилось неоднократно переносить реанимацию. Мужчины реже испытывают такие переживания, чем женщины, а молодые люди и представители среднего возраста реже пожилых» [32].

Данное обстоятельство объясняется тем фактом, что мозговая деятельность и женщин, и пожилых людей в процессе формирования субъективной реальности больше опирается на пространственно-образное

мышление, чем на логико-вербальное, акцент на которое делается у мужчин и молодых людей. А в околосмертном опыте субъективная реальность возникает на основе именно пространственно-образного мышления. Одной из основных характеристик процесса старения организма является угасание соматических функций, а также медленная и последовательная деградация психики, происходящие параллельно с нарастающим сдвигом в сторону пространственно-образного мышления. В этом и заключается естественный процесс умирания. Другими словами, полное отсутствие рефлексов, прекращение дыхания, остановка кровообращения и практически полное обездвижение при продолжающейся работе мозга, а точнее клиническая смерть, есть конечный этап прекращения жизни, но еще не сама смерть.

Вообще, СР в терминальном периоде может формироваться при наличии следующих факторов:

Во-первых, это внезапная активность головного мозга, который способен продуцировать смутные и несуразные переживания и образы. В таком случае мозг отчасти запоминает их, но не понимает.

Во-вторых, таким фактором могут выступать определенные способы поведения, которые приобрели характер потребности, проще говоря, это самые устойчивые привычки, впечатления и привязанности. Часто встречающиеся при NDE встречи с близкими людьми, обыденные ситуации с ними связанные, и их совершенно стандартное поведение, даже в тех ситуациях, которых не происходило на самом деле, вызываются активной деятельностью сознания, воспроизводящей для человека, находящегося под воздействием онирических переживаний, характерную для него атмосферу.

Дело в том, что человеческий мозг не видит принципиальной разницы между картинкой в NDE и каждодневным воссозданием в памяти событий прошлого. Это происходит из-за того, что воспоминания представляют собой не полную копию происходящих ранее событий, а являются созданием данного события заново, его интерпретацией и преобразованием,

основанными на чувственных образах, настроениях и эмоциях, сохранившихся в памяти.

В-третьих, субъективная реальность в период околосмертных переживаний может формироваться из-за неких психических структур человеческой личности, сформировавшиеся в период с 154-го дня внутриутробной жизни по 7-ой день внеутробной жизни плода. Речь идет о тех врожденных идеях или воспоминаниях, которые в свое время были названы Карлом Юнгом архетипами коллективного бессознательного. Чешский философ и психолог Станислав Гроф дал таким структурам другое название – базовые перинатальные матрицы. И это второе определение точнее отражает суть и происхождение врожденных психических структур, так как оно прямо указывает на то, что они сформировались именно во внутриутробный период. С. Грофом была четко выстроена теоретическая модель состояния психики до и во время рождения человека (трансперсональная или перинатальная психология). Согласно данной модели, опыт, полученный человеком во время его непосредственного рождения (выхода из утробы матери), может наложить отпечаток на всю последующую жизнь индивида. А так как этот опыт во многих случаях может быть связан с «родовой травмой», то и в будущем у человека могут развиваться некоторые психические отклонения. [7, с. 276].

Четвертый фактор формирования субъективной реальности в предсмертный период может заключаться в активизации определенных генетических структур, образование которых неминуемо в ситуации мощного эмоционального напряжения или стресса. Аффект, в состоянии которого находится умирающий человек, есть самое сильное впечатление за всю историю его жизнедеятельности. Вследствие этого, с его помощью активизируются гены, которые «молчали» всю жизнь.

В околосмертном опыте весьма интересно рассмотреть концепцию времени, которое преломляется определенным образом:

1. клиническая смерть длится небольшой период времени (около 3-5 мин), и в этот интервал умещается очень большое количество воспоминаний из жизни.

2. в результате такого ущемления множества событий в столь небольшой период человек может погружаться в состояние безвременья. Теряется ориентация во времени: в этом состоянии человеку кажется, что либо события перемешиваются и воспроизводятся одновременно, либо никакие события вообще не протекают. Другим языком, человек утрачивает способность к фиксации длительности времени.

3. помимо прочих особенностей, важной является та, в которой последовательность событий приобретает хаотичный порядок, тем самым время выступает, как обратимый процесс. Причина и следствие меняются местами.

Все эти временные девиации, отличные от СР в повседневном бытии, становятся возможными из-за того, что в NDE происходит изменение детерминант личного времени человека, а точнее его биологического и субъективного времени.

Таким образом, для исследователей, занимающихся случаем клинического больного, его субъективный опыт не может быть полноценно наблюдаем, но существует возможность уловить и зафиксировать его благодаря нейрофизиологическим реакциям организма пациента на данное состояние. Однако перед самим человеком его субъективные переживания во время терминального состояния сознания предстают в качестве правдивой и единственно верной реальности, пусть и фантастичной, но максимально погружающей его в глубины сознательной деятельности.

2.2 Стадии терминального состояния

Как уже было сказано ранее, умирание – это не мгновенный процесс, он представляет собой ряд последовательных стадий, сопровождаемых угасанием всех жизненно важных функций организма.

В динамике данного процесса смело выделяют несколько фаз, которые наблюдаются при «отключении» организма:

1. предагония
2. агония
3. клиническая смерть
4. биологическая смерть

Первые три из названных относятся к стадиям терминального состояния. Именно их мы и рассмотрим подробнее.

Одной из характерных особенностей околосмертного состояния является то, что умирающий организм неспособен самостоятельно, т.е. без помощи извне, выбраться из него.

Первой стадией является предагония, или преагональное состояние. Оно предшествует агонии и характеризуется торможением процессов высших отделов центральной нервной системы. Сознание человека становится сумеречным, спутанным, возможно, туманным. Физиологи отмечают в этой стадии постепенное снижение рефлекторной деятельности (за исключением глазных рефлексов – они сохраняют свою активность). Также снижается артериальное давление, частота биения пульса на периферических артериях. Резко учащается дыхание умирающего вследствие нарастающего кислородного «голодания» организма и накопления углекислоты, призванной стимулировать дыхательный центр. После этого учащенное биение сердца и дыхания (тахикардия и тахипноэ) сменяются, наоборот, брадикардией и брадипноэ, т.е. снижением биения сердца и

затормаживанием дыхания. За счет нарастающей гипоксии всех органов и тканей возникает посинение или побледнение кожных покровов.

Преагония является необязательным периодом и имеет неопределенную длительность. В некоторых случаях - например, при резкой остановке сердца – вообще отсутствует. Длительность этой стадии зависит от резервных возможностей конкретного организма. Начинаться она может с кратковременного возбуждения: организм еще пытается бороться за жизнь. Однако на фоне развивающейся причины, которой обычно выступают болезни, травмы или ранения, такие попытки только ускоряют процесс «отключения».

Переход от преагонального состояния к агональному всегда происходит через «терминальную паузу». Это состояние, длительность которого не превышает 4-х минут, и основными признаками которого выступают:

1. внезапная полная остановка дыхания после его учащения;
2. расширение зрачков с отсутствием их реакции на свет;
3. резкое угнетение деятельности сердца.

Терминальная пауза может и не проявляться между стадиями преагонии и агонии, но это происходит только в случае умирания пациента в состоянии глубокого наркоза.

Агония (от греч. *Agonia* – «борьба») – стадия терминального состояния, предшествующая клинической смерти и характеризующаяся нарушением функций главных отделов мозга, в особенности коры больших полушарий, и одновременным возбуждением продолговатого мозга. Вступает в силу после терминальной паузы. Сознание при этой клинической стадии умирания отсутствует, но может проявляться в кратковременные периоды. Глазные рефлексы и реакция на внешние раздражители окончательно исчезают. Клапанные устройства организма расслабляются, и в связи с этим может наблюдаться непроизвольное выделение продуктов жизнедеятельности организма.

Стадия агонии начинается при появлении первого самостоятельного вдоха (или серии коротких вдохов) после терминальной паузы. Дыхание сначала слабое, затем начинает ускоряться и усиливаться по глубине, и после этого, достигнув максимальной точки, постепенно запускает процесс ослабления и прекращается совсем. Организм «собирает волю в кулак» и пытается всеми силами вернуться к нормальному функционированию. Именно поэтому перед самой смертью у человека восстанавливается правильный ритм сердцебиения и кровообращение, он даже может прийти в сознание на максимально короткий период времени. Данное явление неоднократно упоминается в художественной литературе и кинематографе.

Однако все эти попытки лишены какого-либо энергетического подкрепления, так как организм к этому моменту сжег почти все остатки аденозинтрифосфорной кислоты, которая является универсальным переносчиком энергии, и практически полностью уничтожил все клеточные запасы. Вес сожженных веществ при агонии заметен даже невооруженным глазам при взвешивании умирающего. Благодаря именно этому факту (улетучиванию нескольких десятков грамм) существует мнение о некой «отлетающей душе».

Агональная стадия практически всегда кратковременна и заканчивается тотальным прекращением дыхательной, сердечной и мозговой деятельности. Затем наступает клиническая смерть.

Третий этап терминального состояния и представляет собой клиническую смерть. Во время этой стадии внешние признаки жизни не проявляются, но организм в целом еще не умер. Энергетические субстраты еще сохраняются в его тканях, а метаболические процессы могут продолжать свою деятельность, вследствие чего у врачей все еще остается возможность вернуть человека к жизни.

В целом, клиническую смерть можно констатировать по трем основным признакам:

- 1) полная остановка кровообращения;

- 2) полное прекращение дыхания;
- 3) полное отсутствие активности головного мозга.

Длительность данной стадии терминального состояния зависит от времени, пережитого корой головного мозга при деятельности кровеносной и дыхательной систем. Мировая практика показывает, что в среднем продолжительность клинической смерти занимает примерно 3-4 минуты (максимум 5-6 мин.). К слову, у животных – может достигать 10-12 мин. Длительность третьей стадии в каждом конкретном случае зависит от нескольких условий: возраст умирающего, температура окружающей среды, некоторые видовые особенности организма, а также степень активности и возбуждения различных процессов во время терминального состояния. [28, с. 52].

Но, как уже было неоднократно сказано, все это – еще обратимые процессы. С этого момента счет начинает идти на минуты, если не на секунды. Есть вероятность, что в случае быстрого реагирования и реанимационных мероприятий, удастся не просто вернуть человека к жизни, но и вернуть его личность.

Все дело в том, что самые высокоорганизованные клетки нашего организма, а точнее нейроны головного мозга, очень трудно переносят гипоксию, так как имеют чрезвычайную чувствительность к недостатку кислорода. Вследствие чего, очень быстро погибают, что приводит к потере таких функций головного мозга, которые отвечают за деятельность ЦНС. В какой-то момент времени количество погибших клеток достигает своей критической точки, из-за чего становится совершенно невозможным возвращение целостной личности индивида. Данный процесс получил название «социальной смерти». [17, с. 22-31].

Насчет целесообразности реанимации пациентов, уже окончательно перешедших порог «социальной смерти», по всему миру уже долго, и, к сожалению, безуспешно ведутся ожесточенные споры не только среди

медиков, но и людей, занимающихся общественной или даже религиозной деятельностью.

При подробном анализе стадий терминального состояния становится ясна позиция профессора Л.М. Литвака, перенесшего околосмертный опыт на себе. С его точки зрения NDE – это отнюдь не «посмертное», а самое что ни на есть «предсмертное» состояние: «Каким бы странным и несовместимым с жизнью ни казался нам NDE, - он в *этом*, а не в *том* мире!» [19, с. 151]. А, следовательно, возможность вернуть человека к жизни на протяжении практически всего периода клинической смерти достаточно велика. Это обстоятельство не только дает надежду на возвращение людей в сознание, но и обязывает ученых уделять терминальному периоду все больше пристального внимания.

2.3 Понимание и роль терминального состояния в современной философии

Феномен смерти в философии стоит в одном ряду с самыми важными вопросами, касающимися жизни человека. О ней, бесспорно, рассуждали в древности, говорили в средние века, пишут в наше время и ее продолжают исследовать в будущем. Для философов данная тема особенно близка. «Те, кто подлинно предан философии, заняты только одним – умиранием и смертью» - слова великого античного мыслителя Платона.

Современная философия – не исключение. Явление смерти и околосмертного опыта в наши дни вызывает огромный интерес и бесконечные дебаты между сторонниками существования «загробного мира» и теми, кто отрицает его наличие. В связи с развитием научных достижений в области реаниматологии, патанатомии, когнитивных наук и многих других

дисциплин, изучение терминального состояния и сопутствующих онирических переживаний значительно упростилось.

Все больше и больше доказательств чисто физиологических причин возникновения NDE ставит под сомнение многие философские теории о существовании души, выходе за пределы сознания и наличии неких бестелесных субстанций.

Однако тема смерти и предсмертного состояния по сей день остается загадочной и нераскрытой до конца, а значит, здесь есть простор для философской мысли.

Арнольд Минделл, американский психотерапевт, философ, писатель и один из сторонников трансперсональной психологии, в своей книге «Кома: ключ к пробуждению» утверждает: «Почему именно сейчас мы открываемся переживаниям, испытываемым в экстремальных состояниях? По мере того как возникают новые психологические методы развития «осознавания», многие люди разочаровываются в той концепции реальности, где нет места видениям и экстатическим состояниям. Таким образом, переживания у порога смерти могут представлять для нас интерес, потому что в них мы надеемся найти конкретное подтверждение нашим трансперсональным сновидениям»⁷. Под термином «трансперсональный» в данном случае подразумевается надличностное и измененное состояние сознания, то есть, как выражаются сторонники данной концепции, выходящее «за границы отдельного человека или индивидуальной души».

Минделл говорит, что люди современного общества уже научились достаточно полагаться на медицину в отношении своего здоровья, но все же до сих пор не могут переложить на нее полностью всю ответственность.

Дело в том, что в таком исследовании человеческого организма, с точки зрения современной медицины, в основном, человек предстает в качестве автоматизированного механизма, или проще говоря, выражаясь,

⁷ Минделл А. Кома: Ключ к пробуждению / А. Минделл. – М.: АСТ, 2005. – С. 19

биомеханической сущности. Поведение психической и нервной системы у такого человека, находящегося между жизнью и смертью, обуславливается патологиями и нарушениями метаболизма. И, к слову, бытует мнение, что если «машина» перестает нормально функционировать, то человеку грозит уйти в небытие [25, с. 205].

Понятие собственной кончины – максимально неприятное и не воспринимаемое большинством людей явление. В связи с этим, человек априори хочет задержаться подольше на этапе «жизни», не переходя в вечность или небытие. Из-за этого так развит наш интерес в отношении предсмертного опыта. Одним из первых исследователей, занимавшихся этим вопросом, стал Реймонд Муди – американский философ, психолог, наиболее известный благодаря работам, посвященным околосмертным переживаниям. Именно он и предложил данный термин в 1975 году.

Муди в своей книге «Жизнь после жизни: исследование феномена — переживание смерти тела», которая стала отправной точкой в исследовании данной области, описал впечатления около 150 респондентов, переживших клиническую смерть. В этом произведении автор старался воздерживаться от метафизического истолкования свидетельств NDE, и, наоборот, пытался как можно тщательнее описать эти переживания. Муди хотел найти ответы на вопросы: действительно ли люди, называвшие себя «вернувшимися с того света» познали, что такое смерть? Какие именно процессы наполняли деятельность их мозга и сознания? Есть ли какая-то связь между рассказами большинства опрошенных, и почему их версии «загробного мира» так похожи? И главный вопрос, который ставил перед собой Реймонд Муди – это «можно ли окончательно заключить, что дух продолжает существовать и после смерти?»

Вот, что удалось выяснить в ходе экспериментов, о тех, кто прочувствовал, что значит быть на волосок от смерти: «Во время клинической смерти они слышат странный гул, затем выходят из своего тела и попадают в темный туннель. Они понимают, что у них теперь «другое

тело», видят неопиcуемый свет, встречаются своих умерших близких, которые ожидают их, или «светлое существо», которое их ведет. Перед ними за несколько мгновений проходит вся их жизнь, и, наконец, они возвращаются в свое тело»⁸.

Муди и его сторонники выделили несколько этапов, которые составляют «идеальный» предсмертный опыт. Эти описания идентичны и не зависят от возраста, нации, культурного опыта или вероисповедания человека. Бывали даже случаи, когда слепые люди описывали точно такой же онирический опыт с теми же зрительными образами, как и зрячие [27, с. 55].

Проведя анализ отчетов пациентов, он смог выделить девять наиболее часто упоминаемых переживаний, встречающихся во время терминального опыта. Никто из опрошенных не испытывал все 9 ощущений: количество варьировалось в пределах от 2 до 6 элементов.

Наиболее часто встречающиеся события и переживания, обнаруженные Р. Муди:

1. слышимые звуки, похожие на гудение
2. чувство умиротворённости и безболезненности
3. наличие ощущения отстранённости
4. чувство путешествия через туннель
5. чувство парения в небесах
6. видение других людей, часто мёртвых родственников
7. встреча с духовным или светящимся существом
8. обзор картин прошедшей жизни
9. отсутствие желания возвращения к жизни

Эти девять ощущений не явились окончательным списком. «Размышления о жизни после жизни» - вторая книга Р. Муди об околосмертных переживаниях, вышедшая в качестве расширения знаний первой части. Она была издана в 1977 году, и в ней автор описал уже около пятнадцати различных переживаний.

⁸ Муди Р. Жизнь после жизни / Р. Муди. – М.: Лениздат, 1991.– С. 85

Философ, исходя из наблюдения, приписываемого абсолютно всем пациентам, пришел к выводу: «Near - death experience» в основном производит положительную (и иногда радикальную) трансформацию личности. Возвращение в свой «внутренний мир» вызывает коренные, стойкие, глубокие и комплексные изменения. Исследования Муди были хорошо восприняты в США не только в философских кругах, но и среди медиков. Дело в том, что автор «Жизни после жизни» не стремился доказать наличие потусторонней реальности. Он постарался сосредоточиться только на состоянии психики человека, находящегося близко к смерти. Его исследования подхватили и продолжили во всем мире.

Сам Муди занялся некоторыми другими аспектами данного явления, например, «негативным» околосмертным опытом, заявления о котором также присутствовали в списке отчетов исследования. Помимо этого специалист занялся изучением такого феномена, как «разделенное» терминальное переживание, суть которого состоит в том, что в некоторых случаях ухаживающий персонал, близкие и родные люди могут эмпатически прочувствовать то же самое, что и умирающий.

Также было обнаружено, что некоторые люди имели возможность переживать околосмертный опыт (или некоторые его элементы) спонтанно, не находясь при этом в состоянии клинической смерти. В этом случае, по мнению философа, человек все равно внутренне меняется, именно по этой причине, природе изменений, происходящих с человеком, Муди и начал исследовать это явление и все смежные с этим области.

По его словам, околосмертный опыт невозможно полноценно изучить, рассматривая его как уникальный феномен. Это явление, наоборот, следует исследовать в контексте многих других, помогающих понять сущность человеческой природы и его души.

«В конце 1980-х годов я обнаружил, что мы обладаем способностью «встречать» умерших близких в особом, измененном состоянии сознания» [27, с. 75] - рассуждая об этом своем открытии, Реймонд Муди опирался на

традиции Древней Греции, связанные с «психомантеумами», то есть оракулами мертвых. Упоминания о них имеются в трудах Гомера и Геродота. Под психомантеумами понимались специализированные места, где люди могли наладить контакт с душами усопших.

Теперь обратимся к другому аспекту терминального состояния, заключающемуся в следующем: совсем недавно, буквально в 2001 году, кардиолог из Нидерландов Пим ванн Ломмель пришел к неоднозначным философским выводам. Доктор провел исследования терминальных состояний у пациентов, перенесших остановку сердца. Было опрошено 344 пациента, 62 из которых сообщили, что помнят о проделанной операции (хотя сами были в состоянии клинической смерти в этот момент), и около сорока человек утверждали, что имели возможность наблюдать за ходом операции со стороны, то есть вне своего собственного тела. Некоторые пациенты могли практически досконально описать обстановку операционной и процесс восстановления их к жизни, хотя приборы не фиксировали мозговой активности оперируемых.

Пим ван Ломмель посчитал данный факт весомым доказательством того, что есть вероятность существования сознания независимо от мозга. Мозг для ученого стал восприниматься лишь в качестве некоего «приемника» для сознания. Однако такая трактовка околосмертного опыта была подвержена яростной критике, ссылавшейся на недостаточно достоверную информацию, которую можно получить с показаний электроэнцефалографии, опираясь на которые Ломмель делал свои заключения [52].

Вот как описывает свой выход «за пределы сознания» во время клинической смерти Л.М. Литвак, личный опыт которого был описан в его книге «Жизнь после смерти»: «Сегодня я могу сказать, что мир ТСС (терминальное состояние сознания), несмотря на свою необычайность, все же однообразнее, беднее обычного. Это – серый сумрачный мир: даже если события в нем происходят днем, кажется, что за окном хмуро, идет дождь. Если время действия - вечер, то окружающее кажется покрытым туманной

пеленой, в нем часто суетятся странные люди-тени, но не слышно их голосов... Поначалу это трагический мир, весь пронизанный безнадежной витальной депрессией. И тем не менее он медленно меняется, и завершающие эпизоды его кажутся чем-то противоположным начальным, хотя и остаются странными. Мир ТСС представляет собой непрерывный поток переживаний. Сначала в нем отсутствует какой-либо определенный фон, но позднее появляется «тьма», после которой снова начинает постепенно светлеть

В таком мире не существует границ (по крайней мере, они не осознаются) между внешними событиями и переживаниями. Также нет границ между Я и не-Я. Кажется, что Я слито с не-Я, все ушло в то, что непосредственно видится, и ты сам пропал в нем»⁹.

Самый важный аспект, который следует учитывать, изучая терминальное состояние, - это то, в какой именно момент наступает NDE: одновременно с отключением мозга или непосредственно после полной остановки его деятельности? Современная философия сознания, в лице многих исследователей, отвечает на этот вопрос так: хоть опыт NDE и кажется нам странным, необычным и каким-то «потусторонним», он все равно находится в нашем, земном мире, а не в том, в который мы окончательно попадаем после смерти. Этот опыт и назван именно «около-смертным», а не «после-смертным» как казалось бы логичным. Ведь ТС – опыт, переживаемый во время клинической смерти, при котором отсутствуют видимые признаки жизни, но, несмотря на это, обменные процессы в тканях и органах продолжают еще несколько минут.

Проведя данный разбор и анализ такого явления, как терминальное состояние, можно заключить, что под этим явлением подразумевается не нечто бессознательное, доступ к чему запрещен для внешнего изучения, и, что те, кто долгое время пребывает в таком вегетативном состоянии, могут

⁹ Литвак, Л.М. Жизнь после смерти: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / Л.М. Литвак. – М.: Канон+, 2007.– С. 76

считаться мертвыми. Нет, данные заявления считаются только результатом нашего недостаточно продуктивного взаимодействия, а, проще говоря, неумения общаться с людьми в коматозном состоянии.

Современные технологии в медицине позволяют ученым, медработникам и даже философам работать с людьми, переживающими околосмертный опыт. Конечно, каждый из названных исследователей может преследовать свои личные интересы. Но сам факт того, существует возможность улавливать неясные, совершенно неприметные и расплывчатые сообщения, посылаемые нам с «того света», - это уже огромный прорыв в изучении не только терминального опыта, но и измененных состояний сознания в целом. Такие сообщения играют важную роль в процессе возвращения человека к жизни и несут бесценную информацию родным и близким умирающего. Арнольд Минделл в своей книге «Кома: ключ к пробуждению» уверенно заявляет, что если мы полностью откажемся от работы с такими пациентами, а точнее от расшифровки и усиления их переживаний, то нам так и придется пребывать в неведении перед этим «бурными завершающими этапами нашей жизни».

Определенные общественные установки и культурные табу долгое время не давали философам и ученым полной свободы в изучении умирания. Многим из нас тяжело слышать даже упоминания об этом событии. Человек, который не боится смерти, - большая редкость. Только некоторые просветленные монахи, или смирившиеся с такой судьбой человечества принимают умирание как должное. Остальным – страшно и неловко даже думать об этом событии. Да и практически для каждого человека, вне зависимости от его религиозных приверженностей и взглядов, постоянная угроза утраты близких людей и конфронтация с собственной моралью являются достаточными причинами для того, чтобы избегать темы смерти.

Несмотря на это, заниматься работой в данном направлении следует хотя бы из тех причин, что страх перед неизвестностью всегда пугает больше, чем страх перед явлением, о котором ты знаешь многое. Минделл

уверен: «В предсмертном состоянии люди, как бы странно это ни звучало, готовы жить и меняться, если только им представится эта возможность. Некоторые действительно возвращаются из самых глубин терминальной комы совершенно другими, обновленными людьми. И даже те из нас, кто всегда противятся различным психологическим и религиозным учениям, на пороге смерти могут быть очарованы внутренними необычайными процессами, происходящими в нас самих» [25, с. 202].

В связи с этим, продолжать изучать феномен околосмертного опыта не только возможно, так как простор для деятельности чрезвычайно широк, но и жизненно необходимо для комплексного понимания человеческого бытия.

ГЛАВА 3. Философский анализ взаимосвязи субъективных переживаний во время сновидения и терминального состояния с объективными нейрофизиологическими процессами

3.1 Общая характеристика измененных состояний сознания и корреляция сновидения и онирических переживаний во время клинической смерти

Непрекращающиеся споры между натурализмом и феноменологией в конечном итоге приводят к окончательной демаркации сфер влияния и границ компетентности каждой из теорий. Представители англо-американской традиции в философии полагают, что феноменологический подход, уже достаточно исчерпал себя и устарел. Однако последователи Э. Гуссерля, основателя феноменологии, продолжают следовать его традициям и считать натуралистическую установку довольно ограниченной, а тот факт, что естественнонаучное знание претендует на истинность и всеохватность представляется им весьма наивным и сомнительным.

Несмотря на это с каждым днем все больше усиливается противоположная тенденция – очевиден выстраивающийся вектор на интеграцию эпистемических ресурсов натурализма и феноменологии. Результатом такого слияния может стать пополнение списка методологических средств, которые присущи каждому из подходов, и увеличение их шансов на достижение достоверных знаний путем взаимной кооперации.

Данное объединение может так же помочь приблизиться к пониманию и объяснению взаимосвязи субъективных переживаний во время сновидения и терминального состояния с объективными нейрофизиологическими процессами. Но перед тем, как приступить к анализу данной проблемы,

следует разобраться, что объединяет два этих явления, и почему в этой работе они оба являются объектом исследования.

По мнению доктора философских наук Ю.М. Сердюкова, измененное состояние сознания – это «любое психическое состояние, индуцированное различными физиологическими, психологическими или фармакологическими приемами или средствами, которое субъективно распознается самим человеком (или его объективным наблюдателем) как достаточно выраженное отклонение субъективного опыта или психического функционирования от его общего формального состояния, когда он бодрствует и пребывает в бдительном сознании»¹⁰. Следовательно, Сердюков причисляет к ИСС не только терминальное состояние, но и сон.

Факторы, вызывающие измененное состояние сознания, по словам Сердюкова, препятствуют некоторым процессам нормального функционирования организма, а именно:

- 1) нормальному притоку сенсорных стимулов;
- 2) нормальному выходу моторных импульсов;
- 3) спокойному «эмоциональному настроению»;
- 4) стандартному течению когнитивных процессов.

В то время, когда человек пребывает в измененном состоянии сознания, с ним происходит ряд существенных модификаций.

Во-первых, деформация процесса мышления: концентрация внимания, способность вспоминать и запоминать, а также связывать мысли в логически-выстроенную цепочку суждения – все это снижается и приходит в упадок. Манера мыслить в этот момент принимает образ первобытного общества. В ИСС у человека притупляется способность к адекватной проверке действительности. Во многих измененных состояниях сознания может проявляться уменьшение процессов рефлексии.

¹⁰ Сердюков, Ю.М. Контуры трансцендентального опыта / Ю.М. Сердюков. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.– С. 111

Во-вторых, происходит деформация субъективного времени. Данное обстоятельство выражается в основном в дезориентации во времени, которая, в свою очередь, представляет собой либо ощущение полного отсутствия времени в протекании реальности - «безвременье», либо ускорения, замедления или даже полной остановки времени. Оно также может казаться человеку не поддающимся измерению или бесконечным.

Третьим признаком ИСС является утрата контроля. Сопровождение чувства страха у клинического больного в таком состоянии – стандартный процесс. Он подразделяется на чувство страха потерять контроль над внешней средой и на боязнь потерять самоконтроль. Утрата сознательной власти над происходящим и самим собой о многих случаях вызывает чувство незащищенности и уязвимости.

Четвертое изменение заключается в нестабильности эмоционального фона. В таком состоянии у человека могут возникать резкие, неожиданные вспышки эмоциональных подъемов или, наоборот, упадков. Более примитивные, чем в нормальном состоянии, эмоции могут перемешиваться с очень интенсивными и насыщенными: от депрессионного состояния и глубокого страха до экстаза и эйфории.

Еще одним признаком ИСС можно считать изменение образа тела. Очертания собственного тела в представлении самого человека становятся размытыми и могут обретать иную форму. Вместе с искажением образа тела, очень распространенным явлением становится тенденция к деперсонализации, ощущению отделения души от тела. Вследствие потери самосознания может возникнуть чувство стирания границ между собой и окружающим миром, между собой и другими.

Подобные субъективные переживания могут вызываться разными причинами. Либо это происходит вследствие токсического и делириозного состояния, т.е. психотического расстройства, протекающего с нарушением или помрачением сознания, а также под воздействием определенных наркотических средств, либо такие ощущения возникают в процессе

религиозных или мистических практик. В первом случае субъективные переживания чаще всего воспринимаются как странные и пугающие. Во втором – нередко могут интерпретироваться как переживания трансцендентального или мистического характера. Может возникнуть ощущение некой «исключительности» или «расширения сознания».

Следующая особенность любого измененного состояния есть искажение восприятия. Большинство ИСС объединяет наличие галлюцинаций, псевдогаллюцинаций и других перцептивных аббераций. Визуальная образность многократно увеличивается, обостряется восприятие любых малозначительных деталей и возрастает количество многообразных иллюзий.

Ю.М. Сердюков в своей работе «Контурсы трансцендентального опыта» пишет, что эти перцептивные искажения во многом обуславливаются не только нейрофизиологическими факторами, но и культурными, групповыми или индивидуальными. Здесь философ соглашается с Зигмундом Фрейдом: «Данные отклонения представляют собой скрытые желания и фантазии, выражают базовые страхи и конфликты, а также простейшие явления, носящие незначительный характер, например, галлюцинации света и цвета, геометрических форм и очертаний».

Кроме прочих, значительной чертой ИСС можно считать чувство невыразимости, заключающееся в невозможности дать достаточное описание субъективного опыта ИСС, тем более если с подопытным работает исследователь, не испытывавший подобных переживаний.

Заключительными особенностями измененных состояний сознания являются гипервнушаемость (например, в состоянии гипноза) и чувство возрождения, при котором многие, вышедшие из глубоких ИСС, заявляют о переживании нового чувства надежды, возрождения или перерождения» [31, с. 114-116].

Сновидение и ТСС объединяет и тот факт, что при вхождении человека в каждое из этих состояний наблюдается переход от логико-вербального

мышления к пространственно-образному. В этот момент начинает производиться активная работа тех образований головного мозга, которые отвечают за хранение и обработку невербальной информации, что дает человеку доступ к глубинным слоям сознания, скрытым от него в обычном состоянии. Сюда можно отнести и информацию о перинатальных матрицах, установленных С. Грофом. Суть данных базовых матриц заключается в закреплении опыта перинатального периода в нейродинамических структурах мозга и возможности активизировать эти структуры в различных состояниях измененного сознания [6, с. 343].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что вегетативное состояние и сновидение являются взаимосвязанными элементами организации человеческого сознания. Об этом свидетельствует даже само происхождение терминов: «кома» в переводе с древнегреческого означает «глубокий сон». С научной точки зрения, коматозное состояние представляет собой лишь длительную утрату способности к пробуждению.

3.2 Анализ сновидения и терминального состояния сознания с точки зрения феноменологической и натуралистической позиций

Суть идеи синтеза феноменологии и натурализма заключается в попытке возвращения перспективы от первого лица в когнитивные дисциплины и нейронауки. Кандидат философских наук Д.Э. Гаспарян в своей статье «Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица» пишет о необходимости отказа обеих концепций от претензий на автономию объяснения феноменов сознания исключительно путем нейрофизиологических или феноменологических исследований соответственно.

По мнению Д.Э. Гаспарян, объединение перспективы от третьего лица, т.е. критериев научной объективности, и перспективы от первого лица, т.е. способов описания опыта со стороны приватной субъективности, переживаемого феноменально, должно в конечном итоге привести к сближению этих сфер и их симбиотической связи. Гаспарян считает, что все науки, изучающие сознательную деятельность человека, должны опираться на данные от первого лица, что обуславливается самой природой сознания, приватной по своей изначальной структуре [5, с. 110].

Американский философ Томас Нагель утверждает, что любое материалистическое понимание картины мира на поверку оказывается совершенно неполным в том случае, если она упускает из своего внимания ментальные феномены и субъективные переживания личности. И наоборот, ограниченность эвристических ходов не дает исследователям составить полное представление об изучаемом объекте [50, с.447].

Так как сновидения и NDE являются неотъемлемыми аспектами для понимания взаимодействия человека с миром и самим собой, при изучении данных явлений следует опираться не только на конкретные описания видений человека, но и на их связь с нейрофизиологическими процессами.

Разберемся подробнее. Сон и терминальное состояние – процессы, схожие внешне, но различные по своему строению и влиянию на организм человека.

Арнольд Минделл в своем произведении «Кома: ключ к пробуждению» приводит историю одного больного, которого ему удалось наблюдать: «Джон, мужчина лет восьмидесяти, казалось, застрял на краю жизни, не будучи способным умереть. На протяжении шести месяцев он то погружался в полукоматозные состояния, то выходил из них, а в промежутках стонал и вопил. Когда я увидел его, он лежал на больничной койке, стонал и выкрикивал нечто совершенно неразборчивое»¹¹. Далее автор описывает, как ему удалось поговорить с больным, все еще не приходящим в сознание:

¹¹ Минделл А. Кома: Ключ к пробуждению / А. Минделл. – М.: АСТ, 2005.– С. 42

примерно после 20 минут приглушенных криков пациента, звуки стали превращаться в достаточно различимые слова и фразы. Джон, человек, не говоривший целыми днями ни слова, за шесть месяцев не произнесший ни одной законченной фразы, смог рассказать врачу о некоем «большом корабле», на котором он мог отправиться в отпуск. Через некоторое время после разговора пациент скончался, так и не придя в чувство.

Эта история доказывает тот факт, что кома – состояние пограничное между жизнью и смертью. Человек не находился в сознании, но мог откликаться на происходящие события и даже давать более менее адекватную ответную реакцию. Точно с такой же ситуацией мы встречаемся, если в исследовании сновидения сталкиваемся с сомнамбулическим состоянием.

Сомнамбулизм, или лунатизм, выступает в качестве расстройства парасомнического спектра, при котором люди могут совершать определенные действия и при этом находиться в состоянии сна. Сомнамбула обычно возникает во время неполного пробуждения от глубокой фазы медленного сна.

Зигмунд Фрейд, занимавшийся исследованием сновидений, не мог обойти снохождение стороной. В 1907 году он был приглашен на собрание Венского психоаналитического общества с выступлением о хождении во сне. Позднее об этом он напишет в статье «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений». Продолжая свою мысль о взаимосвязи сна и бессознательного, Фрейд полагал, что снохождение связано с воплощением сексуальных желаний, а так же с тем, что человек подсознательно желает заснуть в том месте, где он спал в детстве: где царил уют и безопасность. Именно поэтому, по мнению психоаналитика, человек встает и начинает двигаться в неопределенном направлении.

С точки зрения нейрофизиологии, действия человека, подверженного лунатизму, не отличаются целесообразностью, но и здесь не обходится без исключений. По мнению И.И. Мечникова, некоторые из сомнамбул в

состоянии выполнять вполне адекватные, хоть и несложные, домашние работы или действия, совершаемые им в рутинное дневное время. На утро лунатик ничего не помнит и остается в неведении о своих ночных хождениях пока ему не расскажет об этом сторонний наблюдатель.

Достаточно сложно объяснить, как сомнамбулы совершают те или иные действия, нехарактерные для обыденной жизни. Например, забираются на возвышенности (крыши домов, шкафы, чердаки) или создают для себя другие опасные условия, с легкостью из них выбираясь. И.И. Мечников пишет по этому поводу: «...случаи такого рода показывают, что во время естественного сомнамбулизма (лунатизма) человек приобретает свойства, которых не имел в нормальном состоянии, и что он становится сильным, ловким, хорошим гимнастом, совершенно подобно своим человекообразным предкам...

Человек унаследовал от своих предков множество мозговых механизмов, деятельность которых была подавлена позднее развившимися процессами торможения. В состоянии сомнамбулизма эти древнейшие механизмы растормаживаются оттого, что выключаются позднее приобретенные, свойственные только человеку отделы коры мозга»¹².

Легко проследить связь такого предположения Мечникова со взглядами И.П. Павлова на природу сновидений. Как уже было замечено ранее, Павлов утверждал, что благодаря торможению высших, генетически более поздних областей коры головного мозга, в состоянии обычного сна более примитивный тип мышления растормаживается, то есть начинает ускоряться. Под воздействием сомнамбулического состояния происходит активное движение еще более древних двигательных рефлексов, которые, как кажется, уже давно были утрачены современным человеком. (Примером может послужить рассказ одного из врачей из ближнего круга Павлова,

¹² Майоров Ф.П. Физиологическая теория сновидений. / Ф.П. Майоров. М: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – С.74

наблюдавшего за лунатиком и заметившего у своего пациента повадки и черты, характерные для приматов: большие оттопыренные пальцы рук и повернутые вовнутрь ступни).

Другими словами, лунатизм у человека сопровождается практически полным растормаживанием двигательных зон, что дает сомнамбуле возможность выполнять автоматические движения, более сложные и неожиданные не только для его обыденной жизнедеятельности, но и для некоторых нетренированных людей [12, с. 259].

И в примере с Джоном, отходящем в мир иной, и с человеком, страдающем лунатизмом, прослеживается связь переживаний и видений с событиями, происходящими с человеком в реальной жизни и влияющими на его психическое состояние, а, следовательно, влияющими на его мозговую деятельность. Из этого можно заключить, что объективные нейрофизиологические процессы, а так же жизненная ситуация, в которой находится человек, могут послужить толчком к толкованию сновидений или онирических переживаний и более благоприятному выводу пациента из критических состояний.

Помимо этого, тот факт, что субъективные и объективные данные оказываются несопоставимыми, приводит к недостаточности каузальной экспликации физиологических механизмов для того, чтобы понять феноменальные состояния, порождаемые этими механизмами. Наше знание об активности конкретных групп нейронов, которые являются ответственными за переживание того или иного вида боли, не в состоянии показать, каково это – переживать боль. А значит, «автографы» сознания, описанные Станиславом Деаном в его работе «Сознание и мозг», не могут дать достаточного описания сновидения или переживания в коматозном состоянии, они лишь могут указать на место наибольшей активности мозга в тот или иной момент. В связи с этим любой обоснованный дискурс о сознании встречается с проблемой: феноменальные состояния в истории материального мира оказываются едва ли объяснимыми.

Американский философ У. Селларс в своих трудах опирается на понятие «манифестного видения» [51, с. 25]. Данный феномен является системой общепринятых самоописаний, в которых человек говорит о себе, как о существе, субъекте или личности, которая может обладать желаниями, мыслями, интенциями и т.п. «Квалиа» здесь играют ключевую роль, ведь манифестный образ человека в мире отталкивается от феноменологических описаний, отправляющихся от высказываний от первого лица» - пишет Селларс. Научная картина мира разрабатывается естественнонаучными теориями. Селларс подчеркивает необходимость идеи совмещения феноменологической и натуралистической позиций, но вместе с тем утверждает, что всякое научное описание неумолимо оказывается в зависимости от «манифестного», и является одновременно его производной. Таким образом, по мнению Селларса: «Система человеческих самоописаний играет роль условия возможности научной объективности» [51, с. 33].

С такой же ситуацией мы встречаемся и в отношении состояний сознания:

1. без описания самим сновидцем его собственных ночных видений получить достаточное основание для анализа или толкования этого феномена не представляется возможным;
2. без воспоминаний человека о переживаниях во время клинической смерти и его собственных ощущениях в этот момент нельзя сформировать полноценной картины, описывающей это состояние.

Перспектива от первого лица в числе прочих, по мнению Д.Э Гаспарян, проходит и стадию трансцендентального измерения. В связи с темой нашего исследования вполне логично обратиться к постулату Иммануила Канта об определении понятия «трансцендентального»: для философа оно является «познанием, занимающимся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов...» Данная фундаментальная установка указывает на одно из важнейших правил трансцендентализма, заключающееся в том, что мы не имеем право не принимать во внимание «условия того опыта, который

мы имеем» [5, с. 103]. Всякое познание, по теории Канта, следует начинать не с самих вещей, а с принятия условий их данности. Такой кантовский тезис пользуется популярностью среди представителей многих направлений традиционной феноменологии и указывает на невозможность натурализации самого опыта сознания в мире в точно таком же формате, в котором натурализованы другие вещи. Следовательно, ни один феноменологический опыт, будь то сновидение или видения в состоянии комы, не могут быть опосредованы в физическом мире наряду с материальными объектами.

Придерживаясь принципов классической феноменологии, можно заключить, что обнаружение какого-либо объекта, возможно только с помощью сознания, а фиксирование любых онирических переживаний – лишь при участии реципиента. Сознание есть тот начальный шаг, с которого начинается любой путь исследования. Обнаруживая в мире какие бы то ни было вещи, мы уже по умолчанию утверждаем, что до этого нашли и имеем сознание, без которого не могло быть дальнейших исследований. А значит, отрицать факт существования субъективного опыта, не только во время измененного состояния сознания, но и в формальном протекании сознательной деятельности, мы не имеем права.

Основание для существования принципа трансцендентальности описывается парадоксальным тезисом: природа наблюдения изначально заключается в том, что из поля наблюдения систематически упускается сама точка наблюдения. Результаты наблюдения объекта не являются частью этого объекта. Но наблюдение априори присутствует в объекте как то, без чего он не смог бы существовать. Отсюда вывод: сознание, благодаря которому реальность бодрствующего человека и «реальность» человека, находящегося без сознания, становятся наблюдаемыми, само по себе не может быть частью наблюдаемой реальности.

Хотя идея синтеза феноменологии и натурализма является весьма сомнительной, существует несколько в той или иной степени успешных прецедентов, показывающих состоятельность их взаимодействия.

Одним из таких примеров может послужить нейрофеноменологическая концепция Франсиско Варелы. В 90-х годах 20-го столетия этот нейробиолог проявил интерес к феноменологии, и результатами его трудов стало введение термина «нейрофеноменология». Варела пытался применить методы феноменологии в нейробиологических исследованиях сознания.

Основные феноменологические идеи, которыми пользовался Варела для создания своей концепции, заключаются в следующем:

1. основатель феноменологии Э. Гуссерль признавал возможность создавать «намерение» как уникальное качество разума. Простыми словами, «намеренное» в таком контексте означает направленность психических состояний на нечто, помещенное за пределы разума.

2. все психические состояния имеют сходную структуру и содержат определенный ментальный акт, направленный на конкретный объект. Такая структура сознания делится на два полюса – это акт и объект. Акт, или осознание, при наличии какого-то сознательного переживания должен выйти за пределы самого себя к так называемым намеренным объектам.

Предпосылкой возникновения нейрофеноменологии стало предложение Варелой идеи «воплощенного познания». Смысл ее состоит в том, что место возникновения разума - это не абстрактный ментальный уровень (уровень «чистого» познания или различные вычислительные уровни), а биологическое, движущееся и действующее тело. Фундаментальное свойство «воплощенности» отражено и в сознании, так как субъективно мы можем переживать очень глубокую и прочную связь с собой и своей активностью в мире. По мнению Ф. Варелы, такой тесный союз ментального опыта и телесной самости является базисным для теории сознания.

Основополагающей формой сознания в нейрофеноменологии является «предрефлексивное самосознание». К нему относятся все «мои» переживания, вследствие чего опыт относится именно к конкретному человеку, т.е. ко «мне». Другими словами, этот опыт относится к «Я», чем и

является воплощенная самость. Таким образом, предрефлексивное самосознание можно представить как переживание физической субъективности, или же эмпирического воплощения. Без данной примитивной формы самосознания не может существовать никакое сознание вообще, так как физическое переживание есть его фундаментальная ячейка.

В контексте данного обсуждения можно вспомнить идеи еще одного последователя феноменологии, Мориса Мерло-Понти. Он подчеркивал воплощение природы намерения. Мерло-Понти утверждал, что «мыслящий субъект – это физический живой организм, который находится в окружающей среде и обладает предрефлексивной воплощенной намеренностью»¹³. Данное утверждение о том, что воплощенность наличествует на каждом уровне сознания, приводит философа к выводу, что сознание находится не в мозге, согласно общепринятому мнению, а в самом акте физического взаимодействия организма и мира.

На вопрос о том, где именно находится сознание, теория «воплощенного сознания» тоже не дает четких и достоверных ответов. Она лишь говорит о неких туманных идеях и сложных системах мозга, тела и окружающего мира, встроенных друг в друга. Нейрофеноменологи утверждают только то, что выяснить о расположении сознания невозможно.

Теория «воплощенного сознания» гласит, что непосредственное ощущение физического организма, формирующего наше биологическое тело, невозможно ровно в той же степени, как и непосредственное восприятие отдаленных физических объектов. На основании информации о стимуле, полученном нашим мозгом, создается осознаваемый образ, к которому мозг относится как к отдаленному материальному объекту. По мнению Ф. Варелы, взаимосвязь наших переживаний феноменальной воплощенности с нашим физическим телом не является прочной, и они могут иметь только косвенные отношения. Данное обстоятельство может быть проиллюстрировано разными

¹³ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – М.: Наука, 1999. – С.389

случаями физических иллюзий или галлюцинаций, например: фантомные боли в ампутированных конечностях, соматопарафрения, когда человек, наоборот, перестает узнавать свое тело и ощущать свои органы как часть себя, а также сновидения и видения коматозных состояний, о которых ведется речь в данной работе.

Исходя из эмпирических данных, которые мы имеем на основе исследования сновидений, становится очевидным, что существует строго ограниченная мозгом система, которая представляет нам события, в которых воспринимаемые объекты воздействуют на нас точно так же, как при осознаваемом зрительном контакте с ними.

Не касаясь тех проблем, с которыми мы сталкиваемся в сновидениях, нейрофеноменология встает на сторону субъективных самоотчетов, используемых для эмпирических исследований сознания. Варела указывает на важность таких самоотчетов: «Дать хороший отчет о том, что мы переживаем, – дело непростое. Если попросить дать такой отчет нормальных испытуемых (привести их в лабораторию и спросить, какие эмоции они испытывают), они вряд ли смогут ответить. Человеку не дано быть экспертом собственного переживания; сам факт наличия переживания не дает достаточной квалификации для того, чтобы сделать хороший отчет о нем, точно так же как прогулка в саду не делает вас садовником или ботаником. Для этого нужно специальное обучение» [53, с. 337].

Хоть Варела в своих изысканиях и опирается на методы интроспекции, он считает нужным ввести новую систему «самоотчетов», которая должна, по его мнению, брать свое начало из восточных, в частности буддийских, традиций созерцания. Представители восточных культур тысячелетиями учились наблюдать и контролировать собственное сознание и достигали в этом деле высот, неподвластных многим развитым европейским народам.

Невзирая на теоретическую неточность, нейрофеноменологическая концепция способствовала синтезу эмпирической науки и феноменального знания. Этот подход выявил и отметил важность новых направлений в

исследованиях в науке о сознании, а также затронул исследование таких измененных состояний сознания, как «выходы за пределы разума» у буддийских монахов и мастеров медитации, речь о которых пойдет далее.

В связи с нашей темой очень интересно проследить, как в восточных культурах и религиях понимается субъективный опыт. Сделаем это на примере буддийской концепции сновидений.

Как известно, во сне человек проводит треть своей жизни, а значит, по буддийским поверьям, играет наиважнейшую роль в жизнедеятельности организма, наряду с бодрствованием. Сон в буддизме, как и в большинстве научных концепций, есть работа нашего сознания. Работа со сновидениями в буддизме очень плотно используется не только в медицине, но и в буддийской Тантре – практике пограничных и просветленных состояний, а также промежуточных состояний между смертью и новым перерождением.

В буддийской практике сновидения подразделяются на три основные категории, первая из которых – сны у людей с нормализованным физическим здоровьем, вторая – сны больных людей, и третья – это вещие сны. Сны второй категории могут помочь выявить у себя или у потенциального пациента физические или психические расстройства. Таким методом анализа сновидений с недавних пор начали пользоваться и современные западные ученые.

В теории сновидений буддизма очень четко и явно прослеживается взаимосвязь субъективных переживаний с нейрофизиологическими процессами. Буддисты утверждают, что во снах происходит отображение деятельности наших энергий и скрытых процессов активности «тонкого Сознания». Наши основные органы чувств, активизированные во время бодрствования, во сне притупляются, и только сознание «остается наедине с самим собой» и продолжает работать. Зачатки тех или иных проблем возникают сначала на «тонком уровне», т.е. на уровне сознания. Благодаря чему своевременное и верное толкование сновидений становится крайне полезным для профилактики или предотвращения болезней и несчастных

случаев, может помочь сделать правильный выбор дальнейшего лечения или серьезного шага в ближайшем будущем.

С точки зрения Буддизма, человеческий организм подразделяется на следующие функциональные системы:

1. система «Желчи», отвечающая за выработку тепла и аккумуляцию и сбор энергии. С помощью этой системы человеческий организм имеет возможность переваривать пищу, обладать теплом и проч.

2. система «Ветра», отвечающая за расход энергии. Это способность человека двигаться, говорить, мыслить и т.д.

3. система «Слизи» - балансирующая, т.е. связующая и гармонизирующая первые две системы.

По этим трем фундаментальным системам, согласно буддистским установкам, распределяются практически все основные характеристики организма и природных явлений: темпераменты, типы телосложений, сезоны года, временные периоды, продукты питания и мн.др.

Энергия Слизи преобладает в первый период ночи, который носит название «позднего вечера», и во сне является источником тех впечатлений, которые мы получили за день. После полуночи (точнее с 1 до 4 часов утра) наступает второй период, т.е. сама «ночь», в который активизируется энергия Желчи, тесно связанная с энергиями окружающей среды. Именно во второй период, по мнению буддистов, активизируется деятельность духов, поэтому нам в эти моменты начинают сниться разного рода кошмары и странности. Время Ветра наступает ранним утром. Влияние данной энергии сказывается на нашем «Тонком сознании», оно становится более подвижным и свободным. В этот период происходит максимальное ослабление дневных впечатлений и влияния «ночных духов». Это то время, когда человек может увидеть самые яркие сны, нередко с пророческим контекстом.

Кроме этого, на такие же три типа делятся люди и по телу и характеру. Люди, в организме которых преобладает энергия Желчи, или как ее еще называют – энергия Огня, обычно имеют желтоватые или каштановые

волосы и таких же цветов кожу. Среднего роста и телосложения. Это очень ревнивые и ранимые натуры, эмоциональные, довольно вспыльчивые, но сообразительные люди. Сновидения данной категории людей достаточно часто принимают красную или желтую окраску. Цвета в таких снах очень насыщенные и яркие. Сновидец обычно видит теплые времена года и периоды. Но в эмоциональном плане преобладает чувство гнева, гордости и другие ярко окрашенные эмоции.

Человек с преобладающей энергией Ветра (Пространство), по мнению буддистов, в большинстве случаев худощавого телосложения, низкого роста и смуглого оттенка кожи. Это забывчивые, непостоянные и склонные к психическим расстройствам личности. Сны людей Ветра в большинстве случаев окрашены в темные глубокие цвета: голубой, синий, черный. Сюжетные линии таких сновидений состоят из множества подъемов наверх, полетов, быстрых смен локаций и событий, наличие большого количества спешки и суеты. Из эмоций сновидец испытывает чувства неудовлетворения, сильные желания чего-либо и волнения различного рода.

Последняя категория – люди Слизь, или энергия Воды и Земли. К ним относятся светлокожие и склонные к полноте люди. Они терпеливы и имеют устойчивый ум. Во снах такого типа энергии человек чаще всего видит светлые тона, предметы большого размера, холодное время года и различного рода водоемы: реки, озера и океаны, так как в них преобладает ощущение прохлады. Как и ум у таких людей, сны их спокойны и устойчивы. Монотонность сюжета перекликается с медлительным и неторопливым образом жизни сновидца [43, с. 215].

Характеристика сновидений в буддизме дает ответ и на такой сложный вопрос: почему во снах иногда сложно двигаться? Дело в том, что, по мнению буддистских монахов, есть проблема в проходимости энергии по каналам такого человека. Данное обстоятельство должно послужить сновидцу предупреждением. Несвоевременное принятие определенных мер (молитвы, ритуалы) может привести к тому, что проблема с «тонкого»

уровня сознания перейдет на физический в качестве болезней или неудач в жизни.

Совмещение позиции от третьего и первого лиц также находит свое отражение в системе Будды. Поза спящего влияет на его нейрофизиологические процессы, которые, в свою очередь, детерминируют его сновидения. Буддисты рекомендуют спать на правом боку или спине, в связи с тем, что при засыпании человека на животе или левой стороне, идет нагрузка на сердце, оно сдавливается, энергетические каналы поддаются искривлению. Такое положение может вызвать дискомфорт и стать причиной кошмаров. Еще одной причиной, вызывающей пугающие сновидения, может стать поздний плотный ужин: субъективный опыт в этот момент полностью основывается на вполне очевидных физиологических процессах.

Также буддистская теория сновидений в некотором роде перекликается с мнением И.П. Павлова и других нейрофизиологов: наполнение сна событиями из повседневной жизни или делом, которым человек занимался в течение дня, а также мыслями и идеями, посещавшими его голову последнее время, есть стандартная особенность мозговой деятельности организма, искать в которой скрытый смысл не всегда резонно.

Все же находятся скептики, стремящиеся оспорить некоторые положения буддистской теории, находящие отклик в нейрофизиологических исследованиях, и пытаются усмотреть в сновидениях таинственный подтекст. Обычно возникает вопрос, связанный с полетами во сне: такие люди утверждают, что в реальной жизни никто из них никогда не имел опыта левитации или полетов, а в сновидениях это происходит довольно часто.

Научный ответ, с которым соглашаются восточные концепции, связывает это с тем, каждый человек в своей жизни мог наблюдать полет птиц и насекомых. В состоянии сна этот опыт бессознательно переносится на самого человека, и связан он с затрудненным доступом кислорода к легким. Примерами, иллюстрирующими такие рассуждения, могут послужить следующие элементарные ситуации. К примеру, затрудненное дыхание

человека в спящем состоянии резко становится легким и свободным. Павлов и его ученики на этот случай проводили опыт: голова спящего прикрывалась чем-то сверху, а потом покрывало аккуратно снимали. В данном случае, проснувшись, человек нередко заявляет об ощущении полета во сне. Другой феномен, часто встречающийся во сне, - падение с какой-либо высоты – может возникать, по словам Павлова, если человек уснул с согнутым положением ног, и в определенный момент резко их выпрямил. Это может вызываться не только бессознательным движением, но и намеренным воздействием на спящего со стороны.

С точки зрения Буддизма, правильное толкование сновидений есть прямой путь к верному пониманию работы сознания и организма в целом, а, следовательно, к познанию окружающего мира.

3.3 Влияние сновидений и околосмертного опыта на дальнейшую жизнь и мировоззрение человека

В контексте данной исследовательской работы будет не лишним обратиться к следствию значимых сновидений и терминальных периодов, которые приводят иногда к кардинальному изменению дальнейшей жизнедеятельности человека.

Смещение смысловых акцентов и утрата актуальных для человека значений представляет собой одну из важнейших характерных черт состояний измененного сознания. Его проявление становится хорошо заметно, если обратиться к интенции людей вкладывать в свои субъективные переживания на пороге смерти преувеличенный и гиперболизированный смысл. В такие моменты человеку кажется, что видения или мысли, посещающие его в данный период, чрезвычайно важны для его будущего существования. Перенося эту особенность на сон, можно заключить, что

сновидцу в такой момент снится вещий сон, который в той или иной степени повлияет на его повседневную жизнь после пробуждения. А в контексте терминального состояния это будет означать либо «прозрение», кардинально меняющее привычную жизнь человека после возвращения в сознание, либо аспекты существования его души после смерти, если мы говорим о религиозной составляющей.

Классическое представление о сновидениях опирается по большей части на контекст прожитого дня, отображая отголоски дневных впечатлений, выраженных во снах в символической форме. Проблема терминальных переживаний, наоборот, базируется на прогностической, или даже предсказательной, перспективе толкования видений. В данной части работы мы попробуем рассмотреть оба феномена с точки зрения позиции влияния субъективного опыта на дальнейшую жизнь человека.

Не затрагивая толкование субъективных переживаний во время сна, мы постараемся сакцентировать внимание на связи нейрофизиологических процессов с объективной реальностью человека.

Традиция, тесно связывающая содержание, качество и насыщенность сновидений непосредственно с психо-физическим здоровьем человеческого организма, впервые была выражена в трудах Гиппократов. Философ полагал умение правильно истолковывать сновидения и прислушиваться к их содержанию чрезвычайно полезным. По его мнению, на протяжении дня наша душа тратит огромное количество энергии на различные виды деятельности (иногда даже одновременно). Из-за этого она не может полноценно принадлежать себе и быть занятой только своими интересами. Соответственно, только во время отдыха нашего тела, то есть во время сна, человеческая душа, наконец, становится предоставленной самой себе.

Гиппократ подразделяет сновидения на позитивные и негативные. К первым он относит все те сновидения, в которых не происходит ничего необычного. Другими словами позитивным считается сновидение, положение вещей и процессов в котором не противоречит их естественному,

нормальному протеканию. Если ночью сновидец совершает все те же действия, что и днем, а так же использует для этого все те же приемы, какими пользуется в обыденной жизни, то это, по мнению Гиппократов, указывает на хорошее здоровье и самочувствие человека. Очевидно, что если во сне происходят события, отличающиеся или противоречащие дневной жизнедеятельности, то данное видение означает наличие расстройств или недугов в теле сновидца. Степень расхождения с реальностью показывает уровень нарушений физиологических процессов: чем фантастичнее и запутаннее увиденное во сне, тем более серьезные недомогания могут возникнуть. Комментариев по поводу истинности сновидений Гиппократ не дает. Он лишь замечает, что при плохом или странном сновидении следует немедленно приступить к лечению тела человека: «Итак, если во сне будет сильное противоречие, полезно вызвать рвоту и вводить легкую пищу в течение пяти дней, постепенно что-нибудь прибавляя, и широко пользоваться утренними быстрыми прогулками, следуя известной постепенности, и производить упражнения в соответствии с возрастающим питанием. Если же противоречие сна будет более слабым, воздержавшись от рвоты, отними третью часть пищи, потом в течение пяти дней снова постепенно увеличивай ее; следует упорно держаться прогулок, упражнять голос, призывать богов – и расстройство успокоится».

Предвестниками здоровья философ считает отчетливые образы и четко слышимые звуки во сне, уверенную походку и отсутствие препятствия в беге. Видеть красивые и безмятежные пейзажи, наблюдать гармоничные и удовлетворяющие канонам картины повседневности – все это признаки хорошего здоровья и благоприятного самочувствия. Все системы органов такого человека работают в правильном режиме, со всеми его кругооборотах, поступлениями пищи и выделениями продуктов жизнедеятельности.

По мнению доктора философских наук И.А. Бесковой, ночная жизнь человека имеет огромное влияние на течение дневной. Конечно, это

происходит не всегда, но довольно часто или в отдельных важных случаях. Такой взгляд представлен в истории культуры не только в практических приемах, но и содержится в теоретических конструкциях. Бескова в своей работе «Природа сновидений (эпистемологический анализ)» акцентирует внимание читателей на очевидной зависимости бодрственной жизнедеятельности человека от сновидений. Данная зависимость проявляется в разных обликах: физической, телесной или эмоциональной. По ее мнению, каждый из нас во сне не просто верит происходящему, но и энергично включается в сценарий сна, независимо от того, насколько сюжет фантастичен или стандартен. Бескова пишет об этом с оговоркой на исключительные случаи, когда спящий человек по каким-то причинам осознает нахождение себя во сне и старается осмыслить степень реальности.

В этом случае интенцией сновидца становится поиск явных несоответствий, он специально концентрируется на фантастичных или «неправильных» по его мнению элементах сна. Такой настрой человека, заключающийся в основном в критическом анализе собственных субъективных переживаний, с точки зрения Бесковой, приводит к принудительной остановке сна. По словам автора статьи, это объясняется тем, что, состояние сна у живого организма длится до тех пор, пока оно верит в собственные сновидения. Как только он утрачивает веру в происходящие события, так сразу же и прерывается его сон. Но вернее сказать, что сновидец может проявить недоверие к какому-то элементу сна (персонажу или ситуации), но именно это недоверие и станет в дальнейшем одним из сценариев сновидения.

В случае, когда человек доверяется всему происходящему, он начинает эмоционально реагировать в соответствии с визуальной картиной и тем, чему он верит. Так, если он во сне подвергается физическому или психическому насилию, его переживания будут точно такими же, как и в бодрствующем состоянии сознания. Этот факт означает, что его организм на всех уровнях своей организации, включая клетки, ткани, органы и системы органов, будет

воплощать в своей структуре те эмоциональные реакции, которые он испытывает во сне. Тут мы встречаемся с двумя случаями эмоционально-физического реагирования:

1. Допустим, тело, испытывающее положительные эмоции во сне, преобразуется так же, как если бы это было пережито в бодрственной реальности, в случае, к примеру, с каким-то радостным событием.

2. Однако же, в случае негативно окрашенных онирических переживаний мы сталкиваемся с противоположной ситуацией. Наш организм в такие моменты вынужден бороться с теми же неблагоприятными последствиями, что и при проживании данных событий вне сна. Нередко, люди по этой причине просыпаются среди ночи в холодном поту или в истерическом состоянии. К слову, игнорирование такого негативного влияния сонных приключений может привести неприятным последствиям.

Данный аспект деятельности нашей психической системы бессознательно настраивает человека по отношению к сновидческому опыту в той или иной степени недоверительно. Ведь этот опыт, по умолчанию, находится вне контроля нашего «Я». Тем самым, он может представлять для человека некую опасность: Этот опыт, по определению, не находится под контролем нашего «Я», а в связи с этим представляет опасность: бессознательные процессы могут моделировать наши сны посредством абсолютно «нелюбимых» воспоминаний, страдания из-за которых придется переносить организму.

Все это свидетельствует о том факте, что модификации, происходящие с телом, детерминируются изменением визуальных и чувственных переживаний. Усиленные соматические сообщения и их дальнейшее сопоставление со сновидениями доказывают тот факт, что видения и сны воспроизводят проприоцепторные реакции (т.е. ощущение положений частей собственного тела в пространстве, а также относительно друг друга), которые организуют поведение человеческого организма.

В разрезе этих рассуждений мы снова приходим к связи нейрофизиологических данных с субъективным опытом. Их взаимная кооперация, тенденция на которую находит свое отражение во многих современных философских трудах, должна помочь людям более детально и внимательно относиться к собственным субъективным переживаниям. Тем более, что верное (или частично верное) толкование реакций организма во время сновидений или терминальных состояний может значительно упростить не только изучение этих феноменов с точки зрения третьего лица, но и помочь самому человеку в данных состояниях легче переносить на себе их негативные последствия.

Из истории мы знаем немало примеров таких ситуаций, когда сновидения имели не просто пророческий характер, но и заставляли сновидца действовать в соответствии с увиденным сюжетом ночью. (Например, таблица Менделеева, приснившаяся ему во сне). Здесь можно упомянуть следующую историю: В древнем Китае правил император У-Цин из династии Шан-Инь. Однажды погиб его лучший друг и советник государства. Император решил попросить помощи у божества, который во сне прислал ему образ нового советника. Увиденный во сне портрет был на следующий день составлен и отослан во все уголки государства. В результате поисков удалось найти человека, полностью отражавшего увиденный во сне образ. Император без всяких сомнений назначил его первым министром государства. Этот пример как нельзя лучше иллюстрирует веру в значимость сновидений в древние времена.

С течением времени приоритеты меняются. Представители технократической культуры расставляют акценты вполне однозначно: сон представляет собой отдых организма, время восстановления его сил, а также переработку впечатлений, полученных за день, а бодрствование, в свою очередь, есть реальная, подлинная жизнь, которая определяется лишь протекающими в ней событиями.

Такому представлению характерна и та доля внимания, которая уделяется феномену сновидений: многие из людей совсем не помнят своих снов. Некоторые из них утверждают, что вообще не могут видеть сны, аргументируя это тем, что в их насыщенной жизни просто не хватает ни времени, ни сил на сновидения и их толкование. Но есть и те, кто больше доверяет этой опции своего сознания: определенные сновидения у них запоминаются, если обращают на себя внимание чем-то неординарным. И лишь совсем немногие из нас сознательно пытаются тщательно вспоминать свои ночные видения и анализировать их определенным образом. Однако удовлетворение этой потребности им удастся довольно не просто.

Дело в том, что с течением времени отношение к феномену сна все больше становится пренебрежительным. И, если ко сну в целом люди стали относиться с большим уважением, принимая во внимание его восстановительные свойства и тот факт, что без полноценного отдыха организм не сможет нормально функционировать, то к сновидениям современные люди все чаще относятся как к сказке, не означающей для человека больших жизненных перемен.

С противоположной ситуацией мы встречаемся, когда приступаем к анализу влияния терминального опыта на жизнь и здоровье человека.

Голландские исследователи NDE под руководством П. Ван Ломмеля пришли к выводу, что субъективные переживания во время терминального состояния наблюдаются в 18% случаев клинической смерти. «В 12% из них пациент делает «важные» сообщения. <...> В результате у пациентов изменяется взгляд на жизнь и смерть».

А. Минделл в своих исследованиях пытается акцентировать внимание на том, что человек в терминальный период не находится без сознания. По его мнению, именно в такой период человек решает какие-то глубинные и нерешенные ранее проблемы, находится на распутье нескольких дорог дальнейшего существования. [25, с. 147].

Помимо кардинальных экзистенциальных подъемов, чаще всего встречающихся у людей переживших религиозный опыт в терминальном состоянии сознания (встреча с Богом, высшим разумом, покойными родственниками, давшими толчок к личностному росту и развитию человека после прихода в сознание), ученые и философы констатируют существование «смерти личности». В.А. Неговский, будучи ученым-реаниматологом, он писал философские статьи на тему умирания и оживления организма. В своих работах он подчеркивал, что проведение реанимационных мероприятий не должно быть зациклено только на восстановлении дыхания и сердечной работы пациента. Не менее важно, по мнению Неговского, бороться за сохранность структуры и функционирования мозговой деятельности. Подтверждением его слов служат бесчисленные примеры возвращенных к жизни людей, но продолжавших свое существование в вегетативной форме: парализованное тело и полное отсутствие сознательной реакции на внешние раздражители не могут дать такому человеку возможности полноценно считаться личностью. В.А. Неговский на этот счет приводил меткое замечание одного ученого: «Бескорковая жизнь противоречит сути человеческого существования».

В связи с этим аспектом реаниматологии Неговский ввел в научный обиход понятие «социальной смерти». Под ним он подразумевал те реанимированные лица, у которых восстановить дыхание и кровообращение удалось, а высшие отделы головного мозга были безвозвратно потеряны.

Такие больные остаются прежними для своих родных, но в социальном плане, по мнению Неговского, они не представляют никакого интереса. Данное обстоятельство подтолкнуло ученого на постановку ряда этических проблем реаниматологии, актуальностью которые пользуются по сей день.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Степень учета приватной природы субъекта является неотъемлемым признаком решения задач программы интеграции феноменологических и натуралистических позиций.

Проблема анализа субъективных переживаний в явлении околосмертного опыта и сновидения заключается в несоответствии феноменологической и натуралистической позиций, т.е. в сравнении наблюдений от первого и от третьего лица.

Натурализм, согласно мнению сторонников феноменологической позиции, систематически и неизбежно упускает из виду перспективу от первого лица, а именно она является существенной для фиксации ментального. Ментальное в принципе не может быть объективировано в режиме перспективы от третьего лица, т.к. оно всегда переживается неким «Я», неким «мною». Причем, даже если провести мысленный эксперимент и представить, что «чужой» ментальный опыт стал для нас наблюдаемым, то этот опыт мы уже не сможем считать «чужим», он станет нашим субъективным опытом. В этом заключается трудность проведения объективных анализов переживаний терминального состояния и сновидения: проверка и верификация данных явлений не может в полной мере претендовать на истинность, а, следовательно, перспектива успешного изучения данных явлений в ближайшем будущем ставится под вопрос.

Тем не менее, феноменологическое и натуралистическое видения находятся в процессе взаимного дополнения, а так же проясняют друг друга и предоставляют каждому из подходов адекватную критическую оценку. Философия позволяет произвести совмещение двух этих оптик, и вместе с тем, черпает в них ресурсы, предлагая интегративную картину места сознания в мире.

С точки зрения объективных данных нейронаук под сновидением подразумевается глубокое охранительное торможение функций головного мозга, предотвращающее переутомление и истощение нервных клеток.

Академик И.П. Павлов представил теорию, заключающуюся в том, что действительная причина сна представляет собой протекание особых процессов нервной системы, главной локацией которых является головной мозг.

По мнению ученого, все, что человек переживает в процессе своей жизнедеятельности, оставляет неизгладимый след в головном мозге. Все человеческие впечатления по большей части своей скапливаются в глубоких частях коры. Хоть они и перекрываются более свежими впечатлениями, все равно сохраняются и остаются в этом хранилище, из которого время от времени что-то выносится силой сновидений. В связи с этим, с точки зрения Павлова, сновидение представляет собой выражение способности головного мозга вспоминать.

Противоположная точка зрения на сновидения присуща Зигмунду Фрейду, который рассматривал сновидения в качестве прямого пути к бессознательному. Объяснял он это тем, что их содержание раскрывает вытесненные желания.

По мнению основателя психоанализа, сновидение есть синтез противоречий, исходящих от сознания и бессознательного. Бессознательное руководствуется «принципом удовольствия», при этом вырабатывая фантастические образы, способствующие удовлетворению различных скрытых, и не только, желаний. Сознание, в свою очередь, действует по «принципу реальности», добиваясь соответствия продуктов психической деятельности с правилами логики. Конфликт двух этих элементов психики может отражаться на характере сновидений, придавая им в той или иной степени реалистический характер.

Процесс, схожий со сном по внешним данным, но совершенно отличный по своей природе, носит название терминального периода.

Терминальное состояние - это последняя стадия жизни организма, переходный этап к смерти, в момент которого становится невозможным самостоятельное коррекционное восстановление глубоких метаболических нарушений и наиболее важных жизненных функций. Различные субъективные переживания человека, возникающие в ходе угрожающих жизни событий, после которых человек все-таки остается живым, принято называть обобщенным понятием NDE (англ. near - death experience), или околосмертные переживания.

Исследования сновидений и околосмертного опыта, рассмотренные с точек зрения от первого и от третьего лица каждый, неуклонно ведут к необходимости синтеза позиций феноменологии и натурализма. Несмотря на то, что базисные основы зарождения у обоих явлений отличаются, они имеют ряд аналогичных признаков и последствий. Очевидно, что внешняя, предметная и социальная среда оказывают детерминирующее влияние на психические состояния субъекта. Но это влияние не происходит непосредственно, оно опосредуется сознанием. Сознание уравнивает бытие субъекта, наполняет бытие определенным ценностным смыслом.

Факт существования сновидений не требует доказательств, так как практически каждый из людей встречался с ним в жизни. Сделать аналогичное заявление касаясь субъективных переживаний при клинических состояниях достаточно трудно. Число людей, которым пришлось пережить клиническую смерть и которые рассказали о своем NDE, относительно небольшое. Объясняется это самой природой предсмертных онирических переживаний. Такие переживания подобны сновидениям, которые видит большинство из нас, но далеко не каждый в состоянии припомнить подробное содержание сна и даже сам факт его наличия. Причина этого кроется в том, что память о том или ином сновидении напрямую зависит от фазы сна, во время которой человек проснулся. Так как в ТСС онирические переживания могут перемежаться периодами полной бессознательности, аналогично тому, как во сне сновидения прерываются фазами с их полным

отсутствием (фазы глубокого сна), следовательно, человек может как помнить пережитые им терминальные видения, так и полностью забыть о них при возвращении к жизни.

В связи этим изучение сновидений, по сравнению с исследованием терминального состояния сознания, значительно упрощается. Но, тем не менее, можно заметить, что среди натуралистического и трансцендентального видения отношений сознания и самого мира обнаруживается определенный параллелизм, который позволяет в некоторой степени снизить напряжение между философским и научным пониманием данной проблемы.

С уверенностью сейчас можно сказать, что представленные в данной работе позиции исследователей (Павлова, Фрейда, Сердюкова, Литвака и др.) находятся на стадии детального уточнения и углубления в критическом диалоге натурализма и феноменологии. Но пока философский и научный дискурсы в данных областях не достигли конечного истинного знания, нам остается только надеяться на интеграцию позиций от первого и третьего лица для глубокого понимания сновидения и околосмертного опыта без их противопоставления и взаимоисключения.

Очевидно, что взятые в отдельности феноменологический и натуралистический подходы обладают недостаточной продуктивностью в объяснении состояний сознания. Нарботки феноменологии не поддаются описанию когнитивных наук. Последние, в свою очередь, упускают детальное описание процессов мышления с точки зрения перспективы первого лица. Только качественное объединение данных направлений может приблизить изучение феноменов сознания к истинному знанию. Несмотря на то, что диалог натурализма и феноменологии пока находится на начальной стадии, в развитии каждой из дисциплин уже явно прослеживается тенденция к их взаимной интеграции и взаимодействию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алексеев, А.П. Краткий философский словарь / А.П. Алексеев, Г.Г. Васильев и др.; под ред. А.П. Алексеева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 496 с.
2. Анохин, П.К. Иван Петрович Павлов. Жизнь, деятельность и научная школа. / П.К. Анохин. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949. – 404 с.
3. Асратян, Э.А. Иван Петрович Павлов. Жизнь, творчество, современное состояние учения / Э.А. Асратян. – М.: Изд-во Наука, 1981. – 440 с.
4. Бескова, И.А. Природа сновидений (эпистемологический анализ) / И.А. Бескова. – М.: ИФРАН, 2005. – 239 с.
5. Гаспарян, Д.Э. Трудности Я-перспективы в проектах интеграции феноменологии и натурализма / Д.Э. Гаспарян // Философский журнал. – 2020. – № 1. – С. 80-96.
6. Гроф, С. За пределами мозга / С. Гроф. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1993. – 504 с.
7. Гроф, С. Области человеческого бессознательного: опыт исследований с помощью ЛСД / С. Гроф. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 312 с.
8. Гуссерль, Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Э. Гуссерль. Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
9. Деан, С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / С. Деан. – М.: Карьера Пресс, 2018. – 416 с.
10. Джемс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джемс. – М.: Наука, 1999. – 432 с.
11. Дубровский, Д.И. Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая Школа, 1980. – 289 с.

12. Железняк, Г. Тайны человеческой психики / Г. Железняк. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2007. – 352 с.
13. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 502 с.
14. Кузина, С.В. Ген мозга / С.В. Кузина. – М.: АСТ, 2014. – 352 с.
15. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
16. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. – М.: Наука, 1985. – 536 с.
17. Левченко, И.Е. Феномен социальной смерти / И.Е. Левченко // СоцИс. – 2001. – №06. – С. 22-31.
18. Лейбин, В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия / В.М. Лейбин. – М.: Политиздат, 1990. – 397 с.
19. Литвак, Л.М. Жизнь после смерти: предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / Л.М. Литвак. – М.: Канон+, 2007. – 671 с.
20. Майоров, Ф.П. Физиологическая теория сновидений. / Ф.П. Майоров. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. – 122 с.
21. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский. – М.: Рефл-бук, 1998. – 304 с.
22. Марсон, П. 25 ключевых книг по психоанализу / П. Марсон. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – 348 с.
23. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. – М.: Наука, 1999. – 602 с.
24. Менш Д. К вопросу о натурализации феноменологии / Д. Менш // Ежегодник по феноменологической философии. – 2010. – № 2. – С. 302-316.
25. Минделл, А. Кома: Ключ к пробуждению / А. Минделл. – М.: АСТ, 2005. – 292 с.

26. Мирошниченко М.Д. Феноменологизация или натурализация? Между философией и когнитивной наукой / М.Д. Мирошниченко // Эпистемология и философия науки. – 2019. – № 1. – С. 65-80.
27. Муди, Р. Жизнь после жизни. / Р. Муди. – М.: Лениздат, 1991. – 91 с.
28. Неговский, В.А. Восстановление жизненных функций организма, находящегося в состоянии агонии или в периоде клинической смерти / В.А. Неговский. – М.: Медгиз, 1943. – 172 с.
29. Прохоров А.О. Смысл и психическое состояние: феноменология и закономерности взаимоотношений / А.О. Прохоров // Психология психических состояний. – 2006. – № 6. – Выпуск 6. С. 8-21.
30. Ротенберг В.С. Сновидения, гипноз деятельность мозга / В.С. Ротенберг. – М.: Центр гуманитарной литературы «РОН», 2001. – 256 с.
31. Сердюков, Ю.М. Контуры трансцендентального опыта / Ю.М. Сердюков. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 255 с.
32. Сердюков, Ю.М. Альтернатива кибернетическому бессмертию / Ю.М. Сердюков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – Хабаровск, 2018. – С. 8-13. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/serdyukov-yum/alternativa-kiberneticheskomu-bessmertiyu> (Дата обращения: 23.03.2020).
33. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) / А.В. Смоляк. – М.: Наука «РОН», 1991. – 280 с.
34. Соколов, Э.В. Введение в психоанализ / Э.В.Соколов. – СПб.: Лань, 2002. – 318 с.
35. Спэрроу Т. Дальше от феноменологии, ближе к эстетике / Т. Спэрроу // Электронный журнал «Гефтер». URL: <http://gefeter.ru/archive/14658> (дата обращения: 10.04.2020).
36. Спивак Д.Л.. Язык в условиях измененных состояний сознания / Д.Л. Спивак // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5. – С. 43-49.

37. Спивак Л.И. Измененные состояния сознания у здоровых людей: Постановка вопроса, перспективы исследований / Л.И. Спивак // Физиология человека. – 1988. – № 1. – С. 138–147.
38. Уолш Р. Дух шаманизма / Р. Уолш. – М.: Изд-во Трансперсонального института, 1996. – 288 с.
39. Филонов С.В. Даосская концепция жизни / С.В. Филонов // Социальные и гуманитарные на Дальнем Востоке. – 2012. – № 1. – С. 86-96.
40. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд; пер. с нем. Я. Когана. – СПб.: Азбука, Азбука – Аттикус, 2016. – 512 с.
41. Фрит К. Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир / К. Фрит. – СПб.: Астрель, 2010. – 344 с.
42. Фролов, Ю.П. Иван Петрович Павлов: Воспоминания / Ю.П. Фролов. – М.: Изд-во Академии медицинских наук СССР, 1949. – 212 с.
43. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов / Д.А. Функ. – М.: Наука, 2005. – 398 с.
44. Хьелл, Л. Теория личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2007. – 608 с.
45. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
46. Crownfield, D.R. Religion in the Cartography of the Unconscious: A Discussion of Stanislav Grof's "Realms of the Human Unconscious / D.R. Crownfield // Journal of the American Academy of Religion. – 1976. – No. 2. P. 3-7.
47. Gallagher, S. Complexities in the First-Person Perspective / S. Gallagher // Research in Phenomenology, 2002. P. 238– 248.
48. Gallagher, S. Mutual Enlightenment: Recent Phenomenology in Cognitive Science / S. Gallagher // Journal of Consciousness Studies, 1997. P. 195– 214.

49. Gallagher, S. *The Phenomenological Mind: An Introduction to Philosophy of Mind and Cognitive Science* / S. Gallagher, D. Zahavi. – N.Y.: Routledge, 2007. – 257 p.

50. Nagel, T. “What is It Like to be a Bat?” / T. Nagel // *The Philosophical Review*, – 2014. Vol. 83, no. 3, pp. 435–450.

51. Sellars, W. “Philosophy and the Scientific Image of Man”, in: Sellars, W. *Science, Perception and Reality* / W. Sellars // Ridgeview Publishing Company. – 1991. pp. 1–40.

52. Van Lommel, P. *Consciousness Beyond Life: The science of the near-death experience* / P. Van Lommel // HarperCollins, 2010. pp. 15-17.

53. Varela, F. *The Embodied Mind* / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch // Cambridge MA: MIT Press, 2001. pp. 328.

54. Varela, F., *Neurophenomenology: A Methodological Remedy for the Hard Problem* / F. Varela // *Journal of Consciousness Studies*, 1996. Vol. 3. No 4. P.330– 349.

ОТЗЫВ

научного руководителя о дипломной работе

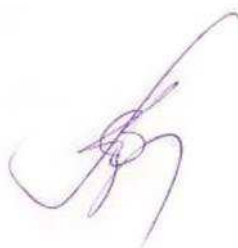
Паженцевой Веры Алексеевны

«Философский анализ сновидения и околосмертного опыта как состояний сознания»

Выпускная квалификационная работа В.А. Паженцевой посвящена исследованию сновидения и умирания и выявлению их сходств и различий с точки зрения феноменологической и натуралистической позиций. Задачи этой работы состояли в изучении общих характеристик указанных состояний сознания и выявлении взаимосвязи сновидений и онирических переживаний во время клинической смерти. Актуальность работы обусловлена нарастающей тенденцией к интеграции феноменологии и натурализма в исследовании сознательной деятельности в дискурсе современной философии сознания.

Поставленные цели студенткой достигнуты: проведена немалая работа над анализом концепций сновидения и терминального состояния с различных точек зрения, а также сформулирован закономерный вывод о сближении рассмотренных позиций.

В работе присутствуют соответствующая логика повествования и четко аргументированные выводы. Таким образом, выпускная квалификационная работа В.А. Паженцевой «Философский анализ сновидения и околосмертного опыта как состояний сознания» заслуживает высшей оценки, при условии успешной защиты, т.к. данная работа соответствует всем основным требованиям.

Профессор

Кудашов В.И.